

OBSAH / TABLE OF CONTENTS

ČLÁNKY / ARTICLES

- 5 *Slavomír Ondrejovič*: Poznámky k A. S. Puškinovi ako lingvistovi
Comments on A. S. Pushkin as a Lingvist
- 20 *Петер Женюх*: Память и самоидентификация традиционной европейской культурной преемственности
Memory and Self-Identification of Traditional European Cultural Continuity
- 28 *Галина Карнаушенко*: Харьковские учёные, предвосхитившие этнолингвистику: проблемы изучения и рецепции наследия
Kharkiv Scientific Predecessors of Ethnolinguistics: Problems of Study and Heritage Reception
- 41 *Ольга Герашенко*: Найтиповіші синтаксичні конструкції у житомирському списку літопису Григорія Граб'янки
Most Common Syntactical Constructions in the Zhytomyr Redaction of Hryhoriy Hrabianka's Chronicle
- 50 *Ірина Іванова*: Стиль і стилізація в сучасній українській рекламі
Style and Stylisation in Modern Ukrainian Advertising

ROZHĽADY / SURVEYS

- 60 *Светлана Вашичкова*: Богородица в культурной традиции Закарпатья
The Blessed Virgin Mary in Transcarpathian Cultural Tradition

KRONIKA / CHRONICLE

- 65 *Jazyk a kultúra z kognitívneho aspektu (Zuzana Vargová – Olga Iermachkova)*

RECENZIE / BOOK REVIEWS

- 71 *Pospíšil, I.*: Literární věda a teritoriální studia (*Miloš Zelenka*)
75 *Kralčák, L.*: Původ hlaholiky a Konstantínov kód (*Tomáš Bánik*)

- 81 MENNÝ REGISTER / INDEX OF NAMES

- 84 AUTORI ČÍSLA / AUTHORS

POZNÁMKY K A. S. PUŠKINOVÍ AKO LINGVISTOVÍ

Slavomír Ondrejovič

COMMENTS ON A. S. PUSHKIN AS A LINGVIST

Abstract: Alexander Sergejevich Pushkin is rightfully considered a reformer and the creator of modern Russian (literary) language. He revealed hidden dimensions of literary language of his times and observed new needs (of the users) of the language. Pushkin freed the language from its restrictive conventions. The author of the article focuses on Pushkin's linguistic attitudes and opinions which can be found in his occasional linguistic discourses, notes and observations, in his correspondence as well as in his works of art, and even in poetry. The author pays particular attention to linguistic and philological issues and solutions which Pushkin expressed in the verses of his poem Eugene Onegin. He also discusses Pushkin's attitudes concerning the language used by common people, the words of foreign origin (especially "Galicisms"), translations and literary language of Pushkin's time, and contemporary disputes over the form of (literary) language.

Keywords: A. S. Pushkin and his linguistic opinions, language purity, Galicisms, Eugene Onegin, interpretations of linguistic attitudes in Slovak translations, linguistic disputes in the 19th century in Russia.

1.

Básnické a prozaické majstrovstvo Alexandra Sergejeviča Puškina pôsobilo v Rusku od 20. a 30. rokov 19. storočia tak sugestívne, že viditeľne ovplyvnilo pomery nielen v umeleckom štýle ruského jazyka, ale aj v ruskom spisovnom („literárnom“) jazyku vôbec. Puškin sa preto oprávnenne považuje za reformátora, resp. aj tvorca dnešného ruského (spisovného) jazyka. Jeho hlavnú zásluhu možno charakterizovať tak, že odhalil skryté možnosti vtedajšieho ruského jazyka a postrehol aj nové potreby (používateľov) tohto jazyka. Podľa G. O. Vinokura (1959) Puškin nebol ani tak reformátorom ruského jazyka ako skôr jeho osloboditeľom; presnejšie: osloboditeľom od množstva sputnávajúcich konvencií („сковывавших условностей“). Puškinov jazyk, v ktorom autor spojil „harmóniu cirkevnoslovanského jazyka, energiu živej ruskej reči, európsku jasnosť výkladu a jadrné ľudové slová“, sa zaskvel novými farbami a vďaka literárnej a spoločenskej prestíži svojho tvorca sa skoro stal všeobecným vzorom a príkladom napodobňovania. Viacerí dokonca tvrdia, že

Puškinov jazyk znie aj dnes súčasnejšie než jazyk veľkého počtu autorov, ktorí písali v časoch dávno po ňom.¹ Otázkam, z akých (lingvistických) potencií vyzrela imaginácia a vitalita jeho jazyka a kde sa vôbec vzal onen Puškinov „drive“, venuje pozornosť mnoho literárnych vedcov. V uvedenej súvislosti je namieste všimnúť si aj Puškinove vlastné *lingvistické* postoje a názory, ktoré súvisia s oným „ruským mirákulom“ (Belinskij).² Niečo z toho naznačujú už aj nasledujúce slová samého A. S. Puškina, vyslovené akoby mimochodom:

„Aj bežný jazyk jednoduchých ľudí (ktorí nečítajú zahraničné knihy a svoje myšlienky nevyjadrujú, chvalabohu, po francúzsky ako my) je hodný najhlbších výskumov. Alfieri študoval taliansky jazyk na florentínskom trhovisku: nezaškodilo by nám občas započúvať sa do reči moskovských pekárni. Tam sa hovorí neveriteľne čistým a správnym jazykom.“

V uvedenom úryvku sa A. S. Puškin zmieňuje o „čistote“ a „správnosti“ jazyka, ale o týchto atribútoch hovorí nepochybne v trochu inom zmysle, ako nás to učili a niekde doteraz ešte učia tradicionalisti a puristi, ktorí nám neraz namiesto plnokrvnej reči ponúkajú – v mene „svojskosti“ či „logickosti“ jazyka – na používanie vypreparovanú reč v zmysle „čisté a správne je to, čo sme vám my vo svojich príručkách očistili, resp. vyhlásili za čisté“. A. S. Puškin tu pojmy čistota a správnosť jazyka použil skôr v tom duchu, aké im pridáva iný veľký autor ruského realizmu 19. storočia Lev Nikolajevič Tolstoj:

„Jazyk by bolo treba... udržiavať v čistote, no nie tak, aby bol uniformný („однообразен“), ale naopak, aby sme sa zbavili práve tohto uniformného literárneho jazyka, ktorý zakaždým zakrýva prázdnotu“ (z listu L. N. Tolstého P. I. Biriukovovi, 17. septembra 1885).

Potvrďuje to napokon aj nasledujúci Puškinov citát, v ktorom zdôrazňuje potrebu čerpať z celej pokladnice národného jazyka:

„Čím je jazyk bohatší na výrazy a obraty, tým lepšie pre elitného spisovateľa. Písaný jazyk sa oživuje každú minútu výrazmi z rozhovorov,

¹ Porov. napr. vyznanie Puškinovi od prekladateľky Eugena Onegina do češtiny O. Maškovej: „Som zamilovaná do jeho básnických a ľudských vlastností, do jeho talentu, vzdelanosti, espritu... Navyše mi pripadá odvážnejší, modernejší a mladší než väčšina súčasných ruských básnikov“ (cit. podľa S. Rubáša, 2009, s. 20 – 29).

² „Z ruského jazyka urobil Puškin zázrak...“ (V. G. Belinskij).

ale netreba sa zriekať ani toho, čo získal v priebehu stáročí. Písať len hovorovým jazykom znamená nepoznať jazyk.“

V puškinovskej *Literaturnoj gazete* sa v r. 1830 objavila aj (nepodpísaná) recenzia, z ktorej možno vybrať takúto formuláciu: „Jazyk (recenzovaného diela – S. O.) je dosť čistý, no čistoty je v ňom natoľko papierovej a natoľko bezfarebnej, že by som sa potešil aj škvrnke, len keby som v nej našiel nejaký život“ (porov. k tomu Vinokur, 1959, s. 199).

V odborných kruhoch je známe, že A. S. Puškin sa k viacerým jazykovým a lingvistickým otázkam a problémom vyjadroval priebežne na najrôznejších miestach. Nájdeme ich v jeho občasných lingvistických úvahách, poznámkach a postrechoch, v korešpondencii (porov. súborne predovšetkým Puškin, 1981, najmä kn. 6, *Критика и публицистика*), no zavše ich rieši aj v umeleckých dielach³, či dokonca v poézii. Často sa cituje napr. Puškinovo uvažovanie o negácii v ruštine (o ruskej častici „не“, porov. k tomu napr. Budagov, 1971, s. 166 – 168) a známe je aj jeho zdôvodňovanie, prečo používa tvar *цыганы* a nie *цыгане*, či jeho polemika s kritikmi o genitíve a akuzatíve. Podľa Puškina spisovateľ musí ovládať svoje remeslo napriek jeho zložitosti, no rovnako je povinný ovládať aj jazyk, a to bez ohľadu – ako to formuluje sám básnik – na jeho „gramatické okovy“ (Budagov, *ibid.*). Musí teda ovládať normy i jemné nuansy fungovania materinského jazyka, ale tie mu je dovolené – podľa miery svojho talentu – aj prekračovať. Neskôr túto myšlienku rozvinul aj známy lingvista a lexikograf Lev Nikolajevič Ščerba (1880 – 1944), podľa ktorého

„... autorov, ktorí sa vôbec neodkláňajú od normy, samozrejme, niet... Keď človek nadobudne cit pre normy, začína pociťovať tú nádheru odôvodnených odklonov od nej. Hovorím odôvodnených, lebo neodôvodnené sú časté u netalentovaných spisovateľov.“

Puškin sa občas kriticky vyjadroval aj k celým sféram ruského jazyka a ich „mankám“. Poukazoval napr. na nedostatky a nerozvinutosť vtedajšieho ruského vedeckého či filozofického (v jeho terminológii metafyzického) štýlu. Aj v *Eugenovi Oneginovi* nájdeme tvrdenie, že v ruštine si pisatelia

³ Mnohé možno nájsť najmä v jeho *Zobraných spisoch* (Puškin, 1981), no dobrou pomôckou by tu mohlo byť aj rozsiahle štvorzväzkové dielo *Словарь языка Пушкина* (2001), registrujúce všetky slová a výrazy, ktoré Puškin použil, s neuveriteľnou podrobnosťou. Na konkrétnych miestach sa však, žiaľ, zvyčajne neanalyzuje, v akom význame daný prostriedok Puškin použil. Kontext ohraničený vetou pre bádateľa často nie je dostatočný na identifikáciu významu, v ktorom sa dané výrazy uplatňujú.

i v úplne jednoduchjej korešpondencii (v „poštovej próze“) musia utvárať slovné obraty na vyjadrenie celkom obyčajných pojmov. Spisovný jazyk má byť podľa jeho predstavy najmä presný a primeraný: zbytočné a smiešne sú podľa neho pokusy niektorých literátov o ornamenty, ktoré vyznievajú často prázdne, ba dokonca balastne. Mnohí podľa neho nechápu nádheru prostej jednoduchosti a napr. aj v próze sa naháňajú za každú cenu za nepotrebnými ozdobnosťami. Ironizoval spisovateľov, ktorí sa starajú viac „o mechanizmus jazyka“, o vonkajšiu formu slova než o „myšlienky a ich skutočný život“. Život sa mení, myslenie sa mení, hovoril Puškin, musí sa teda meniť aj jazyk, ktorý je podľa neho formou myslenia. Na druhej strane pozorne sledoval aj jazykovú kritiku, ktorej bol za viaceré upozornenia vďačný. Bol pyšný na to, že kritici mu za 16 rokov, ako publikuje, nenašli vo veršoch „viac ako päť gramatických chýb (a oprávnených)“ (Puškin, 1981, kn. 6, s. 120). Neraz však prichádzal so svojimi oponentmi do sporu. Kritici obviňovali Puškina aj z toho, že zavádza do literatúry „hrubé“ a „mužičke“ slová alebo že vnáša do jazyka neexistujúce slová. Recenzenti sa intenzívne opreli do jeho verša v *Eugenovi Oneginovi* „Людская мольва и конский топ“. Puškin tu kritikom mohol len poradiť, aby sa rozpamätali na známu ruskú rozprávku o Bovovi Kráľovičovi, kde výrazy *мольва* i *тон* ľahko nájdú. O jeho hodnotení slov vypovedá i poznámka, že „dobrý štýl a vkus nespočíva v tvrdohlavom zavržovaní nejakého slova alebo nejakého obratu, ale v cite pre súmernosť a harmóniu („соразмерность“ и „сообразность“).“ Podľa Puškina posúdiť, či nejaký výraz je dobrý alebo zlý, sa nedá bez poznania jeho okolia ani bez toho, aby bolo jasné, v akom žánri a na charakterizovanie čoho sa použije. Veľmi aktuálne znie i jeho vyjadrenie, že „gramatika nepredpisuje zákony jazyku, ale vysvetľuje a potvrdzuje jeho obvyklosti“ (Puškin, 1981, kn. 6, s. 323). Súčasným jazykom by sme mohli povedať: jeho štandardy.

Známy je i Puškinov výrok z poznámok o Eugenovi Oneginovi, že „netreba brániť slobode nášho bohatého a nádherného jazyka“ (*Ruskí spisovatelia o jazyku*, 1954, s. 81), k čomu sa vracia aj v trochu frivolnom liste historikovi M. P. Pogodinovi z novembra r. 1830: „To je bieda: štýl i jazyk. Ste nesprávny do zúfania – s jazykom narábate ako loaan s Novým Mestom. Gramatických chýb, useknutí a skracovaní protiviacich sa jeho duchu sú celé hĺby. No viete čo? Tá bieda nie je bieda. Nášmu jazyku treba dať viac vôle – samozrejme, v súlade s jeho duchom – a môjmu srdcu je bližšia Vaša sloboda než naša upätá („чопоря“) správnosť.“ Na druhej strane však u Puškina – v článku *Ruská akadémia* – nájdeme aj takéto slová: „Teraz Akadémia pripravuje tretie vydanie svojho *Slovníka*, ktorého rozšírenie sa stáva z času na čas nevyhnutným. Náš nádherný jazyk pod perom spisovateľov nevzdelaných a netaľentovaných rýchlo speje k úpadku. Slová sa karikujú. Gramatika kolíše.

Ortografia, tá heraldika jazyka, sa mení podľa ľubovôle všetkých a každého. V periodikách našich je ešte menej pravopisu ako zdravého rozumu..." (Puškin, 1981, kn. 6, s. 244). Tieto dve poznámky si úplne protirečia, avšak len zdanlivo. Puškin je za voľnosť v jazyku, no za voľnosť, pri ktorej vieme, čo robíme. Za takú voľnosť, ktorá sa opiera o poznanie živého jazyka a jeho fungovanie, za voľnosť v mene ešte väčšej krásy. S podobným kváziparadoxom sa môžeme stretnúť aj pri Puškinových výrokoch o galicizmoch, ktorých sa viackrát zastal a sám ich spontánne používal (porov. k tomu Gak, 2000). Možno povedať, že francúzštinu vnímal ako jazyk vzdelanosti, čo odrážajú napríklad aj tieto jeho slová: „Daj Boh, aby sa niekedy (ruský jazyk) dotvoril podľa francúzskeho (jasného, presného jazyka prózy – t. j. jazyka myšlienok).“ Ale v liste svojmu mladšiemu bratovi L. S. Puškinovi z 24. januára 1822 sa nerozpakoval napísať: „Najprv Ti chcem trochu vynadať, že Ti nie je hanba, môj milý, písať poloruský, polofrancúzsky list, veď Ty nie si moskovská sesternica..." Inými slovami, Puškin sa zastáva slobody v jazyku a odmieta „upätú správnosť“, čo však vôbec neznamená, že by problémy jazyka a starostlivosť oň bral niekedy na ľahkú váhu. Práve naopak. Svedčia o tom nielen mnohé jeho výroky a rozborj jazykových problémov, ale asi najlepšie jeho vlastné používanie jazyka.

Puškin, ako je známe, aj prekladal – z francúzštiny, taliančiny, poľštiny, latinčiny a gréčtiny – a nie je preto nič neočakávané, že sa vo svojich poznámkach vyslovuje aj k prekladaniu a k prekladateľom, ktorých nazýva „poštovými tátošmi vzdelanosti“ (Puškin, 1981, kn. 6, s. 322). Na príklade Chateaubriandovho prekladu Miltonovho *Strateného raja* ukazuje, aké pokorujúce či dokonca aj trestuhodné je prekladať niečo od slova do slova. Veď každý jazyk má svoje vlastné obraty, svoje typické rétorické figúry, svoje typické výrazy a na ich pretlmočenie do iného jazyka sú potrebné opäť typické obraty, figúry a výrazy toho druhého jazyka (Puškin, 1981, s. 309). Na margo Chateaubriandovho „doslovizmu“ Puškin píše: „Keď už aj ruský jazyk, taký ohybný a charakteristický vo svojich obratoch a prostriedkoch, taký vnímavý, prívetivý („переймчивый“) a priateľský („общежительный“) vo svojom vzťahu k cudzím jazykom, sa bráni doslovistickému („подстрочному“) prekladaniu, ako potom francúzsky jazyk s jeho záľubou zotrvať na svojich zvykoch a s naviazanosťou na svoje tradície, rivalskosťou k jazykom, dokonca aj rovnakej vetvy, vydrží takú skúšku osobitne s poetickým jazykom Miltona, spolu so všetkou nežnosťou, náruživosťou, nepreniknuteľnosťou, nevyhranenosťou, svojráznosťou, rozmarnosťou i odvážnosťou výrazu niekedy až do nezmyselnosti?“ (Puškin, 1981, kn. 6, s. 309). Keďže F.-R. de Chateaubriand si v uvedenom preklade neláme hlavu s ničím takým, Puškin je nemilosrdný a jeho počínanie kvalifikuje ako čistý obchod: „Prvý zo súčasných

francúzskych spisovateľov, učiteľ celej píšecej generácie, ktorý bol kedysi aj prvým ministrom a niekoľkokrát poslancom, na starosť preložil Miliona za kus chleba“ (ibid.).

2.

Ešte by bolo možné odkázať na mnohé iné lingvistické výroky A. S. Puškina (zaujímavé komentáre k Puškinovým gnómam, postrehom a sentenciám o jazyku porov. najmä u Lotmana, 1983; Danilenka, 2009; Kuznecovovej, 2014, ale už aj v antológii *Ruskí spisovatelia o jazyku*, 1954, ako aj u Vinokura, 1959, resp. viacerých iných). V ďalšom výklade sa však sústredíme už len na translátologickú problematiku na pozadí prekladov príslušných pasáží románu vo veršoch *Eugen Onegin*, majstrovského diela svetovej literatúry. Puškin aj doň totiž vložil viaceré jazykové či jazykovedné otázky a svoje postoje k nim. Začnime puškinovským trojverším z 28. strofy tretej kapitoly tohto diela, ktoré je pre mnohých kontroverzné:

*Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.*

Pozrime sa v tejto súvislosti najprv na to, ako tento úryvok u Oneginu interpretujú jazykovedci. Tí konzervatívne orientovaní majú s ním trochu problém a zmysel daných veršov hodnotia tak, že Puškin na uvedenom mieste *žartoval* (porov. napr. Skvorcov, 1976, s. 11, citované podľa Grigoriev, 1979, s. 69). Takýto výklad nájdeme aj v heslách niektorých popularizujúcich encyklopédií (napr. v Serovovom *Encyklopedickom slovníku okřídlených slov a výrazov*, 2003)⁴. Ale bolo by možné, aby Puškin na tomto mieste naozaj nezáväzne žartoval? Otázky jazyka boli preňho vždy príliš vážnou témou na to, aby ich pojal takto ležérne. Aj list Tatiany Oneginovi, ktorý predstavuje kľúčovú tému celého románu, má svoje filologické špecifikum. Tatiana sa v ruštine vyjadrovala, ako sa dozvedáme od básnika, iba s ťažkosťami, čo napokon v danom čase platilo o dcérach z vyšších (šľachtických) kruhov v Rusku vo všeobecnosti. Písala preto list Oneginovi po francúzsky a básnik ho pre nás čitateľov do ruštiny iba prekladá. Keď nás s týmto nečakaným faktom Puškin vopred

⁴ Aj tu sa dozvedáme, že ide o žartovné Puškinovo vyjadrenie a o „samovyvinenie sa“ z nejakého prehrešku voči pravidlám ruského jazyka.

oboznamuje, volí na to serióznejší žánér než iba humorný záskok. Vyberá si satiru, ktorú používa i v mnohých iných strofách v Eugenovi Oneginovi.

Pri tejto príležitosti je poučné všimnúť si, ako problém uvedených veršov riešia prekladatelia, od ktorých sa očakáva, že pri tlmočení akéhokoľvek textu do iného kódu (jazyka) budú mať, pochopiteľne, jasno o zmysle originálneho textu a budú vedieť svoju interpretáciu umne zakódovať aj do preloženého textu. Pozrime sa na tomto mieste aspoň na to, ako sa s uvedeným „trojveršovým“ pasusom vyrovnali slovenskí prekladatelia, pričom tieto preklady predstavíme najprv bez širšieho okolia, potom aj s ním. Autorovi tohto príspevku konvenuje najmä preklad uvedeného segmentu v Oneginovi u českej prekladateľky Olgy Maškovej (1981), ktorá je tu veľmi presná a zachováva vyvážené všetky konotácie originálu, ku ktorým nič nedodáva ani z metrických dôvodov. Predsuňme teda pred slovenské preklady český:

A. S. Puškin

*Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.*

Olga Mašková

*Ruština bez jediné chyby,
Zrovna tak málo se mi líbí
Jak bez úsměvu kouzlo úst.*

Aby sme si mohli overiť, aký je skutočný zmysel uvedeného trojveršia, potrebujeme, samozrejme, kontext. Najlepšie široký kontext. A ten, ako ukážeme, „žartovný“ výklad celkom vylučuje. Určite má viac pravdy literárny vedec V. P. Grigoriev, ktorý v knihe *Poetika slova* (1979) o týchto Puškinových veršoch súdi, že skrývajú v sebe metaforické (dodajme: satirizujúco metaforické) odmietnutie „príliš dokonalej“, hyperkorektnej, ba dokonca umelej ruštiny, ktorá vzniká pri slepom a netvorivom prístupe k normám jazyka (Grigoriev, 1979, s. 69).

Aby sme konečne zapojili slová Puškina do sľubovaného kontextu, uvedieme strofy 28 a 29 tretej kapitoly spolu s ich prekladmi do slovenčiny v úplnosti:

A. S. Puškin

*Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце!
Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.
Быть может, на беду мою,
Красавиц новых поколенья,
Журналов вняв молящий глас,
К грамматике приучит нас;
Стихи введут в употребление;
Но я... какое дело мне?
Я верен буду старине.*

Ján Štrasser

*Stoj pri mne Boh a všetci svätci,
nech na plese sa nestane,
že je tam akademik v čepci,
seminarista v sutane!
Tak ako pery, z ktorých zrazu
odišiel úsmev, ja bez kazu
náš ruský jazyk nemám rád.
Možnože (mám sa začať báť?)
vyslyšia nové šíky krásnych
dám vzdychy našich zborníkov
a obdaria nás lexikou
i gramatikou v hĺbe básní...
Čo ja s tým? Rovno poviem vám:
svoj starý štýl si zachovám.*

Pripomeňme, že v slovenčine jestvujú v súčasnosti štyri úplné preklady poémy *Eugen Onegin*, a teda aj štyri filologické verzie príbehu. Je to preklad Sama Bodického z r. 1900 (Turčiansky Sv. Martin, Vydanie kníhtlačiarenskeho nakladateľského spolku), Janka Jesenského z r. 1953 (Bratislava, Slovenské vydavateľstvo krásnych kníh), Ivana Kupca z r. 1973 (Bratislava, vydavateľstvo Tatran) a Jána Štrassera z r. 2002 (Bratislava, vydavateľstvo Petrus). Českých prekladov je podľa S. Rubáša (2009, s. 169) v súčasnosti jedenásť (porov. ibid. aj prehľad prekladov do iných jazykov).

Napriek tomu, že preklad Jána Štrassera je ako celok pomerne dobre zvládnutý a oplýva zaujímavými prekladateľskými riešeniami, uvedená pasáž prekladateľovi, zdá sa, celkom nevyšla. Najmä časť „... ja bez kazu / náš ruský jazyk nemám rád“ posúva Puškinovo „vyznanie“ trochu do absurdnej polohy, lebo *kaz* je v tomto kontexte iba ťažko „stráviteľným“ pojmom a výrazom. Má „studenu“ a jednoznačne negatívnu konotáciu a iba ťažko si možno predstaviť, že by si niekto oblúbil reč s kazmi. Čitateľsky toto riešenie nie je prijateľné. Prekladateľ mal zrejme ostať pri „gramatickej chybe“ ako ostatní prekladatelia a od nej rozohrávať prekladateľskú „hru“. Chyba totiž, a možno práve tá gramatická, je taká ľudská, že, ak sme sa nenarodili práve ako nezmieriteľní „rigorozisti“, sme ochotní prijať ju viac alebo menej aj „s porozumením“. Chyby môžu byť, pravdaže, všelijaké – a často práve „bezchybnosť“ nás môže v niektorých prípadoch vyvádzať z miery, najmä ak máme pocit, že ponúkaný ideál, ktorý oná „chyba“ nerešpektuje, nie je celkom naším ideálom. Pozrime sa preto na tomto mieste na to, s akým úspechom sa strofu 3/28 podarilo do slovenčiny pretlmočiť Samovi Bodickému a Jankovi Jesenskému:

Samo Bodický
*Boh nedopusť sísť sa na bále
Alebo domov chodníkom
So seminaristom v žltom šále
A v čepci s akademikom!⁵
Úsmevu prázdne jak na ústa
Nehľadím rád, i reč mi pustá
Ak chyby na nej nebadám,
Môž byť, že škodný budem sám,
Krásavíc nových pokolenie
Prosebný uposlúchne hlas,
Mluvnicu začne učiť nás,
Lež ja – čo nasleduje mne?
Ja verný budem starine.*

Janko Jesenský
*Nech Boh ma chráni sísť sa v bále,
Či rozísť, jak je návykom,
S seminaristom v žltom šále, či v čepci
s akademikom!
Bez gramatickej chyby devu,
Jak rumenných úst bez úsmevu
Ja ruský jazyk nemám rád.
Bude mi to aj škodiť snád',
No nových krások pokolenie
Všimne si azda novín hlas,
Poučí v gramatike nás,
Potrebné budú verše cenné,
Lež ja – nač je to všetko mne? –
Zostanem verný starine.*

Obidvaja prekladatelia sa v prostriedku strofy sémanticky z rýmovo-metrických dôvodov trochu zaplietajú, ale kým preklad Sama Bodického z r. 1900, ktorý je prvým uceleným prekladom *Eugena Onegina* do slovenčiny vôbec, je poznačený z dnešného pohľadu možno tým, že slovenčina sa tu ešte iba chystá na hlbší nádych, Janko Jesenský je pri tlmočení z pohľadu prekladu celého diela trochu monumentalistický, mohli by sme povedať aj romantický. Doplňme však aj preklad Ivana Kupca, ku ktorému znovu pridáme i Olgu Maškovú:

Ivan Kupec
*Ak stretnem na hocakom bále
V čepčeku akademika
Či bohoslovca v žltom šále,
Zakaždým zlosť ma preniká.
Jak bez úsmevu pery liché
Ja bez prehreškov v gramatike
Ruskú reč ani nemám rád*

Olga Mašková
*Injekci k dožitovní skepsi
mi při volence přichystá
svou výzvou akademik v čepci
či v tylu seminarista.
Ruština bez jediné chyby
zrovna tak málo se mi líbí
jak bez úsměvu kouzlo úst.*

⁵ V preklade Bodického sa ako v jedinom nájdu v texte aj vysvetľujúce poznámky pod čiarou. Na tomto mieste prekladateľ vysvetľuje: *učené ženy*.

*Azda sám budem bedákať,
Keď nový rod žien, v očiach nehu,
Náreky novín vyslyší
A v pravidlách nás vycvičí,
Verše sa dajú do obehu,
A ja... ja si len, buď jak buď
zachovám verne starý prúd.*

*Kdyby mi – pámbu nedopustí! –
dívenka z generace, krásně
šlechtěné novou výchovou,
předvedla péči o slovo
či dokonalý rozbor básně,
myslíte, že bych vzplál? A kdež!
Ztratil bych zájem o mládež.*

V tejto strofe sa nám núka na posúdenie viacerých tém. Nikto asi nepochybuje, že strofa je vedená vo výrazne satirickej tonalite a že Puškin tu tak trochu aj provokuje. Ale čo mieni tým, keď spomína akademika v čepci či bohoslovca so žltým šálom? Nosili v tom čase akademici nejaké čepce alebo patrili žltý šál do výbavy nejakej skupiny seminaristov? Nič také v historických análoch 20. ani 30. rokov 19. storočia nenájde. Musíme sa preto prikloniť k výkladu, že pod výrazmi akademik v čepci či seminarista so žltým šálom sa skrývajú „učené ženy“, ako to formuluje už Samo Bodický. Niektorí prekladatelia *Eugena Onegina* do slovenčiny (Janko Jesenský, Ivan Kupec i Ján Štrasser) tento problém vôbec neriešia a nechávajú na čitateľa, aby sa sám vyrovnal s touto nejasnosťou. Je pritom známe, že v danom čase sa v Rusku vo všetkých sociálnych vrstvách uznávalo, že žena sa môže prejavovať či aj presadiť iba v domácom a rodinnom prostredí a obraz ženy s odbornými ambíciami vtedy nepôsobila dostatočne adekvátne (Puškarevová, 2004). Pre Puškina je však nepríjemná predstava, že by ho mladé krásavice „vyškolené“ príslušnými príručkami či rubrikami v novinách, volajúcimi po akejsi náprave („*молящий глас*“) jazykového a básnického úpadku, presviedčali o svojej pravde. Puškin o tieto aktivity zjavne nestojí, „možno aj na vlastnú škodu“ (zasa aká irónia!), a výzvy na nové „zlepšenia“ ho nechávajú chladným.

Strofu 27 v Eugenovi Oneginovi dovysvetľuje aj nasledujúca časť strofy 28 tretej kapitoly:

A. S. Puškin
*Неправильный, небрежный лепет,
Неточный выговор речей
По-прежнему сердечный трепет
Произведут в груди моей;
Раскаяться во мне нет силы,
Мне галлицизмы будут милы,
Как прошлой юности грехи,
Как Богдановича стихи.
<...>*

Ján Štrasser
*Zlý prízvuk, pokrútené slová,
keď preniknú mi do ucha,
hlboko v hrudi sa mi znova
básnické srdce rozbúcha.
Čitateľ drahý, odpustíš mi?
Milé mi budú galicizmy
tak ako hriechy z mladých dôb
a Bogdanovič, majster ód
<...>*

Ján Štrasser, ale aj iní prekladatelia Onegina do slovenčiny uvedené výrazy tlmočia, zdá sa, zasa nie celkom adekvátne. Uvedme, že *lenem* je ľahký nenútený rozhovor, klebetenie (porov. *Veľký rusko-slovenský slovník*, 2. zv., s. 494). Nejde teda asi o zlý prízvuk a zrejme ani o pokrútené slová či nepravdivelný prúd reči a už vôbec nie o „žväst“ ani o akési nedbajské brbotanie, no máme tu podľa všetkého do činenia s hovorom, ktorého repliky, povedané nebásnicky, sa nevyznačujú artikuláčnou dokonalosťou a nie sú možno ani vedené v súlade s vtedy platnými („kodifikovanými“) normami. Napriek tomu ich Puškin vníma ako živé a plnokrvné a berie ich pod svoje ochranné perute. Pripojme aj k tejto strofe ďalšie preklady od Sama Bodického a Janka Jesenského:

Samo Bodický
*Nedbalý, nepravdivelný žväst,
Výslovnosť len tak leda-bud'
Ponajprv srdcom začne mi triasť,
Pobúri potom celú hrud'.
Niet vo mne polepšiť sa sily,
Mne galicizmus bude milý⁶,
Jak prešlých rokov spomienka,
Jak milá moja „Dušenka“⁷.*

Janko Jesenský
*Nesprávne, plaché štebotanie,
Nepravdivelnej reči prúd,
Ak predtým srdca trepotanie
Zapričiniac, mi vzbúria hrud',
Lež pokajať sa nemám sily,
Mne galicizmus bude milý,
Jak prešlej mladosti hriech, tiež
Jak Bogdanovičov je verš.*

⁶ Prekladateľ Samo Bodický tu, zjavne trochu zaskočený, v poznámke pod textom dodáva: „Žiadna irónia, veď vážne píše Básnik Viazemskému: 'Dobre si urobil, že si sa zjavne zaujal galicizmov. Treba jasne hovoriť, že ruský metafyzický jazyk nachodí sa ešte v divom stave. Daj Boh, aby sa vzdelal na podobu francúzskeho. O tomto mám tri strofy v Oneginovi.'“ Hodné pozornosti je, že preklad toho istého úryvku z Puškinovej korešpondencie možno nájsť aj v podobe s opačným významom. Danilenko totiž prvú vetu z neho tlmočí takto: „Dobre si urobil, že si nahradil galicizmy.“

⁷ Básnička I. F. Bogdanoviča – toto je takisto vysvetľujúca poznámka prekladateľa S. Bodického. Doplňme, že Ipolit Fjodorovič Bogdanovič (1744 – 1803) sa preslávil poérou *Душенька* (Dušička) o láske Amora a Psyche, v ktorej sa mytologický námet prelína s dobovou psychológiou. I. F. Bogdanovič vynikal pritom aj talentom šikovne do diela presadiť narážky na cárovnu Katarínu II. a jej činnosť, za čo si vyslúžil jej priazeň (Hřebíková, 2013, s. 80).

A ešte od Ivana Kupca a – ako obvykle – Olgy Maškovej:

Ivan Kupec

*Nedbajská platnosť brbotania,
Výslovnosť reči nesprávna
Mi stále do líc červeň vháňa,
Vzrušuje ma jak zadávna,
Kajať sa z toho nemám sily,
Mne galicizmus bude milý
Jak moje hriechy mladistvé,
Jak Bogdanovič básniť vie.*

Olga Mašková

*Nedbale zažvatlaná vëta,
nevybroušená, nesprávná,
v srdci mi zvonek roztřepetá
tak jako kdysi za dávna...
Nač hříškům z mládí zpívat tryznu,
mám slabost pro zvuk galicismů,
pro lásky, třebaš jepičí,
to tvůj verš, Bogdanoviči...*

V uvedenom verši sa tematizuje už spomínaný problém *galicizmov*, ktoré básnik neodsudzuje, ba naopak, priznáva sa z pohľadu dominujúcej šiškovo- vovskej normy k ozajstnému kacírstvu: sympatizuje so slovami francúzskeho pôvodu v ruštine („sú mu milé“). V pozadí tu ostro vnímame zápas medzi „šiškovcami“ a „karamzinovcami“ („шишковистами“ и „кaramзинистами“), ktorý sa v tom čase medzi spisovateľmi v Rusku naplno rozohrel. Spory tohto typu možno sledovať vlastne už od antických čias, prečo by teda malo byť 19. storočie v Rusku výnimkou? V danom konkrétnom prípade išlo o spor medzi tzv. archaistami, ktorých viedol „ruský vlastenec“ A. S. Šiškov (1754 – 1841), a tzv. novátormi, na čele ktorých stál spisovateľ, historik a publicista N. M. Karamzin (1766 – 1826). Šiškov, horliaci za návrat literatúry k národnej tvorbe a cirkevnoslovanskej vzdelanosti, odsudzoval karamzinovcov najmä za tvorbu slov v ruštine „podľa pravidiel a pojmov cudzieho národa“. Odmietal nielen Karamzinove „barbarizmy“ typu *эпоха, гармония, катастрофа* či neologizmy typu *будущее*, lebo neboli utvorené z domácich ani cirkevnoslovanských koreňov. Trval aj na tom, aby sa napr. i výrazy *актёр* a *калоши* nahradili slovami *лицедей* a *мокроступы*. O Šiškovovom spolku *Beseda milovníkov ruského slova* (*Беседа любителей русского слова*) písal pamflety aj Puškin, ktorý si pritom „любителей“ (milovníkov) rád „оылом“ zamieňal za „зубителей“ (ničiteľov). Karamzinovci v spolku *Arzamas* (*Арзамас*) narušili strnule honosnú dikciu svojich predchodcov s podarilo sa im ruský jazyk čiastočne zbaviť nánosu viacerých cirkevnoslovanských a staroruských prvkov, ktoré už zastarali. V polemike medzi spisovateľmi Puškin v tejto veci vedome nadväzoval na Karamzina, ťažko preto súhlasí s autormi, ktorí pozíciu Puškina v uvedenom spore hodnotia ako „niekde na pomedzí“ (Danilenko, 2009). V tejto súvislosti je hodný pozornosti list Puškina P. A. Viazemskému z 13. júla 1825, ktorý „vytiahol“ už aj S. Bodický. Keďže sú spory o jeho znenie a interpretáciu, uvidíme príslušný úryvok z neho na tomto mieste v origináli:

«Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного точного языка прозы, то есть языка мыслей). Об этом есть у меня строфы три и в „Онегине“.»

Takto sa zdá celkom jasné, že pozícia Puškina v tomto spore nie je na pomedzí, ale v blízkosti Karamzina.

K našej téme sa hodí uviesť ešte jeden verš z *Eugena Onegina*, a to z prvej kapitoly (strofa 26):

A. S. Puškin

*В последнем вкусе туалетом
Заняв ваш любопытный взгляд,
Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б это было смело,
Описывать моё же дело:
Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический Словарь.*

Ján Štrasser

*Viem, prudko módnym oblečením
Zaujal vašu zvedavosť,
O jeho šatníku sa zmienim
Ohotne, dôvodov mám dosť.
Som predsa ten, kto opisuje.
No jeden malý problém tu je:
Slov pantalóny, žilet, frak
V ruštine niet, žiaľ, je to tak,
No prial by som si (priznám znova),
Keby môj beztak biedny štýl
Konečne si už odpustil
Nadužívať tie cudzie slová –
Musím sa oddať dotykom
S Akademickým slovníkom.*

Ak A. S. Puškin v tejto strofe spomína akademický slovník, ktorým je šesťväzkovú *Словарь Академии Российской* z r. 1789 – 1794, treba vedieť, že ide o slovník, pre ktorý bol najmä v tomto prvom vydaní charakteristický silný odpor k slovám cudzieho pôvodu i k „neschváleným“ neologizmom. Puškin v uvedenom verši oznamuje, že tento slovník používal, resp. ešte presnejšie „nazeral doň“ *встарь, кедysi*, a nehovorí nič o tom, či to robí aj teraz. Ani používanie tohto slovníka mu však v niektorých prípadoch nepomohlo oslobodiť sa od používania cudzích slov, najmä keď ruština, ako sa dozvedáme aj z tejto strofy, nemá vlastné výrazy na niektoré veci. J. Štrasser však posúva Puškinov výklad do polohy, akoby si básnik

uvedomoval svoj prehrešok („nadužívanie cudzích slov“), ktorému sa v budúcnosti hodlá vyhnúť aj pomocou uvedeného slovníka. V origináli, ako viďeť, nič také nenájdeme a celá Puškinova strofa pôsobí, naopak, zasa celkom jasne satiricky. Nesatirizuje sa v nej však „používanie cudzích slov v dandyovskom prostredí“ (jestvuje aj taký výklad!), ale skôr bázeň pred cudzími slovami. Ak sa aj básnik kajá pred nami, že jeho verše hýria „inoplemennými“ slovami, nezdá sa, že to mieni vážne. Neironizuje teda používanie cudzích slov, ktoré aj podčiarkuje kurzívou, ale – i podľa J. S. Lotmana (1983) – skôr šiškovovský lexikálny rigorizmus.

3.

To je niekoľko našich poznámok k lingvistickému dedičstvu A. S. Puškina. Na tomto mieste mohli sme sa len letmo dotknúť niektorých aspektov uvedenej problematiky. Puškinov odkaz nie je celkom kompatibilný so súčasným politickým či jazykovopolitickým dianím v Rusku, kde v súčasnosti platí *zákon o štátnom jazyku Ruskej federácie* z r. 2005, doplnený v r. 2014. Aj Puškinov verš „без грамматической ошибки“ žije svojím vlastným životom a dodnes ostáva pre mnohých pochybný, nepochopený, ba dokonca nepochopiteľný. Avšak akokoľvek je to paradoxné, iba takéto odvážne myslenie a takéto netradičné postoje, ktoré vyšli za hranice bežných konvencií a predpisov, umožnili Puškinovi stať sa reformátorom jazyka, dokonca byť kultovým autorom ruského jazyka.

LITERATÚRA

- Evžen Oněgin*. Přeložila Olga Mašková. 3. vyd. Praha: Odeon, 1987. 247 s. Bez ISBN.
- НРЎБІКОВА, А.: *Интеллектуаловэ на двоѣ Катѣрины II. Великѣ*. Praha (diz. práca) 2013.
- RUBÁŠ, S.: *Яá пíší Вам... Evžen Oněgin в чѣскихъ прѣклáдеч*. Brno: Host, 2009. ISBN 978-80-7294-284-8.
- Velký rusko-slovenský slovník*. 2. díel. K – O. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1963. 1012 s. Bez ISBN.
- БУДАГОВ, Р. А.: *Пушкин-лингвист (к постановке вопроса)*. In: Язык, история и современность. Москва: Издательство Московского университета, 1971, с. 156 – 168. Bez ISBN.
- ВИНОКУР, Г. О.: *Избранные работы по русскому языку*. Москва: Учпедгиз, 1959, с. 189 – 206. Bez ISBN.
- ДАНИЛЕНКО, В. П.: *Лингвокультурологические воззрения А. С. Пушкина*. In: Литературная учёба, 2009, 5, с. 103 – 111. ISSN 0203-5847. Dostupné na internete: <http://www.lynych.ru/online/index.php/oimenu-65/44-52009/481-2009-12-28-1>.

- ГАК, В. Г.: *Язык Пушкина и французский язык*. In: Вопросы языкознания, 2000, 2, с. 79 – 89. ISSN 0373-658X.
- ГРИГОРЬЕВ, В. П.: *Поэтика слова*. Москва: Наука, 1979. 373 с. Без ISBN.
- КУЗНЕЦОВА, Т. Е.: *Пушкин как основоположник русского литературного языка*. Москва: Просвещение, 2014. Dostupné na internete: <http://click.1setember.ru/hIS7vBfp5y?la=33ddf708c85b88126a3490140e65a54a>.
- ЛОТМАН, Ю. М.: *Роман А. С. Пушкина Евгений Онегин*. Комментарий. Ленинград: Просвещение, 1983. 416 с. Без ISBN.
- ПУШКАРЕВА, Н.: *«Академики в чепце»? История дискриминационных практик в отношении российских женщин-учёных*. In: Женщина Плюс, 2004, 1. Dostupné na internete: www.owl.ru/win/womplus/2004/01_11.htm.
- ПУШКИН, А. С.: *О богатстве и выразительности русского языка*. Dostupné na internete: <http://litena.ru/books/etem/f00/s00/z0000029/st014.stml>.
- ПУШКИН, А. С.: *Собрание сочинений в 10 томах*. Москва: Правда, 1981. Без ISBN.
- Русские писатели о языке: XVIII – XX вв.* Ред. Б. В. Томашевский – Ю. Д. Левин. Ленинград: Советский писатель, 1954. 834 с. Без ISBN.
- Словарь языка Пушкина: в 4 томах*. Ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 2001. 975 с. ISBN 5-88744-027-9.
- ЩЕРБА, Л. В.: *Спорные вопросы русской грамматики*. In: Русский язык в школе, 46, 1939, 1, с. 10 – 21. Без ISSN.
- Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 статей*. Ред. В. Серов. Москва: Локид-пресс, 2004. 879 с. ISBN 978-5-320-00323-8.

ПАМЯТЬ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Петер Женюх

MEMORY AND SELF-IDENTIFICATION OF TRADITIONAL EUROPEAN CULTURAL CONTINUITY

Abstract: The Slavistic research in Slovakia has been continuously formed as an interdisciplinary, coordinated, systematic and projected research which allows covering a wide range of research projects. Fundamental identification component of Slavistic research in Slovakia is study of the Slovak-Slavic and Slovak- non-Slavic linguistic and cultural relations. The Slavistic studies in Slovakia is perceived as a systematized discipline since it allows connection between several scientific fields which play an important role in examining cultural, social or political issues. The Slavistic concept in Slovakia is an integral part of an internationally accepted Slavistic environment and in various scientific – organizational forms of cooperation allows a wide range of scientific fields to form competence and scientific – organizational background for interdisciplinary, comprehensive and systematic research within the regional, wider European and international context.

Keywords: Slavistics, interdisciplinary and complex Slavistic research, identity of Slovak Slavistics, continuity of Slavistic scholarly research.

Изучение взаимоотношений национального языка и культуры с другими языками и культурами в широком спектре наук о культуре понимается как составная часть общественного самосознания. Без комплексного изучения этих отношений не обходится никакое культурное общество.

Применение и развитие составляющих национальной культуры отражается в развитии народа и общества в его широких естественных и рационально интегрированных контекстах. В них отражается как актуальное состояние сознания общества, так и предпосылки его дальнейшего развития, которые сложились и непрерывно формируются от древнейших времен. В исторических процессах можно систематически встретиться с уподоблением или поиском аналогий исторического развития в современном, актуальном состоянии общества. Это хорошо задокументировано, например, в переломные моменты. Однако с течением времени подобное восприятие действительности подвергается различным интерпретациям, реинтерпретациям и релятивизации.

Свидетельства об историчности восприятия (сознания) в интересах упрощения современных общественно-политических схем

часто рассеиваются в процессах интеграции или глобализации. Следовательно, и наше исследование может направленно и в целом систематически (и невольно) отклоняться от традиционного и естественного принципа синхронно-диахронного характера культурной памяти и самосознания общества и индивида в ее рамках.

Хотя с течением времени осознание исторического опыта с каждым разом чаще релятивизируется и рассеивается в глобализации или перерастает в либерализованную высококачественную химеру, всё же решающим фактором является и должна оставаться свобода человека. Свободное решение является способностью, которую человек получил от Бога, поэтому хорошие и плохие поступки свидетельствуют сами за себя, они – зеркало нашей истории, видимое наследие любви, равнодушия и нелюбви.

Право свободно и морально рассуждать о культурных и общественных процессах в обществе является бременем для фанатичных, испытывает сильных, а слабых заставляет сомневаться. Но способность человека делать добро является силой, закреплённой в разуме и сильной воле, которая даёт возможность удержаться на твердых Божиих законах и на естественных, традиционных принципах культурной памяти и сознания семьи, общества, церкви, языка, культуры и народа. Это объединяющая, интегрирующая ценность, которая присуща и сегодняшнему обществу, так как выступает против «демифологизации», предающейся иллюзиям о свободе без преемственности традиции, без сознания общества так, что релятивизирует её традиционные ценности и принципы исторического и культурного самосознания и веры.

Возможно, что для современного постмодернистского человека привлекательны именно такие интерпретации, которые на первом плане, часто упрощённо и, как правило, без более глубокого познания культурно-исторического процесса и процесса развития «реинтерпретируют» исторический, цивилизационный и культурный хронотоп, в котором с незапамятных времён складывалась духовная, культурная и национальная идентичность.

Не нужно глубоко исследовать исторические события, чтобы познать самих себя, сегодняшнее общество является именно такой равнодействующей силой борьбы за сохранение преемственности, идентичности и культурного сознания. Естественно, что важную роль в этой передаче фактов, информации и свидетельств играет свободное познание. Правда, одной свободы не достаточно для того, чтобы быть целью удовлетворения частного интереса и оставаться так на уровне мирского добра. Правильное познание свободы зашифровано в обязательности

собственной преемственности. Именно поэтому история человеческого общества является историей возможности снова преодолеть собственные рамки формализма.

Самосознание национальной культуры как культурно-исторического общества, выходящая из традиционных принципов, однако постепенно с определенной дозой нашей толерантности растворяется в целевой либерализованной «демифологизации» культурной памяти. Вместо того, чтобы сделать культуру источником объяснения феномена сплоченности, преемственности и традиции, мы под покровом так называемой объективной интерпретации часто создаем новые мифы, и при помощи новых полуправд деформируем самосознание общества и релятивизируем её столетиями создаваемые традиционные ценности.

Не нужно глубоко исследовать исторические события, чтобы самим на себе понять состояние, в котором, например, современное словацкое общество является равнодействующей силой движений и борьбы за неё саму и её идентичность, принципы демократии, солидарности, культурности на всех её уровнях и т. д. Именно поэтому сегодня мы больше чем когда-либо обязаны систематически исследовать все составляющие культурного самосознания национального общества, чтобы хорошо познать самих себя в контексте европейской культуры и цивилизации, к которой по праву принадлежит наш национальный культурный горизонт и который составляет её неотделимую и равноправную часть.

Об этом факте говорил и словацкий философ, историк Антон А. Баник, когда указал на три основные, взаимно различные и в напряженности сосуществующие сферы общества: религиозную, культурную и цивилизационную. Отдельные эти составляющие он определил на примере активного отбора фактов, которыми, очевидно, намеренно можно повысить отдельную ценность различно поставленных утверждений.

Изучение национального языка и культуры во взаимоотношениях с остальными славянскими и неславянскими языками и культурами является неотъемлемой частью идентичности комплексного интердисциплинарного изучения культуры. Именно междисциплинарность в области наук о языке, литературе, истории и культуре и их соединение является естественным и никаким образом не значит отрицание идентичности целого, в рамках которого объясняются отдельные части национальной культуры. Диахронические дискурсы, или дискурсы развития преемственности и идентичности славянских и неславянских отношений словацкого языка и культуры, хоть и являются определенными в рамках интегрирующегося европейского общества, однако большая часть диахронических и актуальных синхронических аспектов изучения

национальных языков и культур является малоизвестной и недостаточно интерпретированной прежде всего по отношению к ареальной или более широкой европейской культурно-исторической и языковой среде.

Способность словацкой науки изучать контакты словацкого языка и культуры с иными языками и культурами, например, выходит из необходимости познать не только межъязыковые, межэтнические, межконфессиональные и межкультурные процессы, которые формировали словацкую культурную среду старшего и новейшего периода нашей истории вплоть до современности. Поэтому природа национальной и культурной идентификации в современности в первую очередь исходит из необходимости назвать эти реалии современного общества, которые неизбежны в их участии в дальнейшем развитии цивилизации в интегрированной европейской среде безотносительно рисков возникновения многополюсного света. Ведь само сохранение европейских культурных ценностей обусловлено сохранением специфических особенностей европейских языков и культур.

Именно традиционная культура была, есть и, надеюсь, останется в дальнейшем главным источником развития современной европейской идентичности.

Поэтому с приведённой точки зрения необходимо освещать те аспекты идентичности, которые связаны с изучением языковых, этнических и культурных процессов в среде, где встречаются две традиционные европейские культурные среды – Восток и Запад, и с их отражением в славянском контексте (*Slavia Latina* и *Slavia Byzantina*). Именно благодаря комплексному изучению языка, истории и культуры можно прийти к познанию тех ценностей, которые очень важны в Словакии и представляют собой письменные памятники на живом народном языке, в латинской письменности или в письменных памятниках, находящихся под влиянием языковой и церковной византийско-славянской среды и церковно-славянского языка.

Концепция и направление исследования словацкой культуры даёт возможность отдельным научным дисциплинам в самом широком контексте понять и охарактеризовать языковое, литературное, историческое, этническое, культурное и конфессиональное развитие национального сообщества в более широких общественных, исторических, языковых и культурных контекстах. Эту научно-исследовательскую и научно-организационную модель включает в себя и словацкая славистика, которая принимается в домашнем и международном контексте и создаёт таким образом условия для её дальнейшего применения.

Различные модели экономической рентабельности гуманитарных и общественных наук, включая славистику, нельзя измерить финансовой выгодой. В славистической среде нельзя считаться с экономической окупаемостью инвестиций, вложенных в коммерциализацию научных результатов. Исследование культуры и общества является и в первую очередь должно быть ценностью само по себе. Имманентный интерес к соединению гуманитарных и общественных дисциплин, включая славистику, с экономически «более сильными» науками отдаёт предпочтение рыночной или коммерческой ориентации исследования. Без сомнения, с этим связана и смена цели подобных исследований. Обусловливание существования славистического исследования коммерческими критериями может в конечном итоге значительно повлиять на его ориентацию, стабильность и преемственность.

Нужно осознавать, что науки о культуре могут формулировать приоритеты и цели интеграционной научной политики. Как в современности видны расхождения в применении политического мультикультурализма и существует риск доминантности дискурсов, опирающихся на национальную идентичность, так, например, и словацкая славистика со своим содержанием исследования словацко-славянских и словацко-неславянских языковых и культурных отношений является устойчивой моделью стабильности интеграционной и систематизирующей научной дисциплины.

Уже при создании академической научно-исследовательской институции словацкая славистическая наука приняла широкую концепцию исследования, опирающуюся на интердисциплинарное изучение языка, литературы, истории, культуры, этнических и конфессиональных процессов. Основной составляющей идентичности словацкой славистики с точки зрения её научно-исследовательской ориентации является исследование словацко-славянских и словацко-неславянских языковых и культурных отношений. Применение методов интердисциплинарного славистического исследования, над которым работают лингвисты в сотрудничестве с литературоведами, культурологами, этнологами, историками и теологами, является в современности неизбежным. Поэтому славистические исследования в Словакии строятся как координированное, систематическое и проектированное изучение, которое даёт возможность покрыть этот широко понимаемый спектр исследовательских задач. Под понятием «проектированное исследование» мы имеем в виду наполнение научно-исследовательской программы.

Не менее значительной частью является и исследовательская среда: словацкая славистика в этой связи формируется как систематизирующая

научная дисциплина, как соединение нескольких научных сфер, которые играют важную роль при изучении (общественно и политически) актуальных тем. Именно в мультикультурной европейской среде, неотъемлемой частью которой мы являемся, эти предпосылки для комплексного и систематического славистического исследования выходят из постоянных межъязыковых, межэтнических, межконфессиональных и межкультурных отношений, которые, хоть и являются традиционными, до сих пор недостаточно исследованы именно в широком словацко-славянском и словацко-неславянском контексте. Например, исследование словацко-немецких, словацко-венгерских, словацко-чешских, словацко-польских и словацко-украинских отношений опирается на архетипические слои культуры, которая возникла в нашей среде на словацко-латинской и словацко-церковнославянской почве, т. е. в среде, где встречаются влияния западной и восточной культур. Хотя в рамках частичных языковедческих, исторических, литературных и культурных исследований уже были достигнуты значительные результаты, отсутствует систематический, комплексный подход, который представит словацкую культуру, язык, историю и литературу как монолитное целое, уникальное не только своим содержанием, но прежде всего как естественную, формирующую и неотъемлемую составную часть европейского и международного пространства. Подобный принцип к вопросам основного научного исследования Институт славистики Яна Станислава САН рассматривает как приоритет, который в европейском и мировом интегрированном обществе вносит свой вклад в познание нас самих.

При этом мы понимаем, что обеспечить подобное систематическое исследование выше сил отдельного человека, коллектива или одной институции. Поэтому научно-исследовательская и научно-координационная деятельность славистических исследований в Словакии базируется на тесном сотрудничестве со Словацким комитетом славистов и с Международным комитетом славистов, задачей которого является координация отдельных славистически ориентированных исследований (в рамках языковедческих, литературоведческих, этнологических и исторических научных дисциплин). Комплексность изучения отношений национальных составляющих культуры со славянской и более широкой европейской средой даёт возможность для устойчивости и применения национального культурного самосознания в славянской среде и в рамках интегрирующегося европейского общества.

Понимаемое комплексное интердисциплинарное исследование культуры, таким образом, исходит из необходимости исследовать собственное самосознание не как результат глобализационных или

интеграционных механизмов и даёт комплексный и систематизирующий ответ на парциальные вопросы развития национального языка и культуры в отношениях широкого спектра европейского культурного пространства.

Сильной стороной исследования национальной культуры и её отношений в широкой европейской среде является интердисциплинарность и комплексность, так как они дают возможность для устойчивости и систематического построения проектированного исследования.

Под понятием «проектированное исследование» мы имеем в виду, в частности, создание интердисциплинарных национальных и международных коллективов, которые выполняют научно-исследовательскую программу, включающую приоритетные направления исследований отношений национальной культуры с другими культурами в рамках традиционного европейского пространства. Такой подход к вопросам основного научного исследования необходимо понимать как приоритет, однозначно определяемый средой, в которой реализуется интердисциплинарное исследование национальной культуры и её отношений к другим культурам.

Подобное комплексное и интердисциплинарное изучение культуры включает в себя широкое программное наполнение, которое является неотделимой частью познания реалий, влияющих на развитие и устойчивость общества как основного объекта в разнообразии самосознаний европейской и международной среды. И поэтому в интересах гарантирования стабильности высокого качества изучения всех составляющих культуры необходима синергия академической и университетской среды с целью поддержать создание научно-исследовательских коллективов, основанных на базе интердисциплинарного научного исследования, потому что только так можно гарантировать стабильность, конкурентоспособность и преемственность научного исследования в домашнем и международном контексте.

С этим узко связана возможность гарантии стабильности научно-исследовательской среды, в которой материальные выгоды и окупаемость инвестиций в интердисциплинарное исследование связей национальной культуры со славянской и неславянской культурной средой основывается на постоянной и при этом экономически неизмеримой ценности.

ЛИТЕРАТУРА

- BANÍK, A. A.: *O dialektickej podstate slovenského konfesionalizmu*. Martin: Matica slovenská, 2000. 80 s. ISBN 978-80-7090-566-1.
- DORUĽA, J.: *Program jazykovedného slavistického výskumu na Slovensku*. In: *Slavica Slovaca*, 1989, 24, 3, s. 201 – 210.
- ЛИХАЧЕВ, Д. С.: *Декларация прав культуры: (проект)*. In: СПбГУП; под науч. ред. Д. С. Лихачева. СПб.: СПбГУП, 2001. 19 с.
- ЛИХАЧЕВ, Д. С.: *Декларация прав культуры и её международное значение: выступление на Дне науки в СПбГУП, 23 мая 1996 г.* In: *Личность. Культура. Общество*. 2007. Т. IX, спец. вып. 1 (35), s. 392 – 393.
- ŽEŇUCH, P. (ed.): *Slovenská slavistika včera a dnes*. Kolektívna monografia. Bratislava: Slovenský komitét slavistov a Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2012. 268 s. ISBN 978-80-89489-05-3.
- ŽEŇUCH, P.: *O špecifikách a identite slavistického výskumu na Slovensku*. In: *Slavica Slovaca*, 2010, 45, 2, s. 99 – 104. ISSN 0037-6787.

ХАРЬКОВСКИЕ УЧЁНЫЕ, ПРЕДВОСХИТИВШИЕ ЭТНОЛИНГВИСТИКУ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И РЕЦЕПЦИИ НАСЛЕДИЯ

Галина Карнаушенко

KHARKIV SCIENTIFIC PREDECESSORS OF ETHNOLINGUISTICS: PROBLEMS OF STUDY AND HERITAGE RECEPTION

Abstract: The paper attempts to identify some of the manifestations of the Kharkiv ethnolinguistics precedence. It identifies the problems and difficulties involved in the study and reception of Kharkiv scientific predecessors, the forerunners of modern ethnolinguistics. Kharkiv scientists of the 19th and early 20th century (Izmail Sreznevsky, Oleksandr Potebnya, Nikolay Sumtsov, etc.) closely approached the ideas, later formalized in ethnolinguistics. Kharkiv ethnolinguistics is characterized by the depth of thinking, taking into account broad ties of language with the culture, thinking, psychology, philosophy, history, ethnography, and openness to the ancient and modern European science, democracy and rejection of snobbery. Scientists associated with the Kharkiv Imperial University dealt with various Slavic ethnoses, worked in libraries and archives, and collected a large amount of language (including dialects), folklore, and ethnographic material. Their research and the collected materials are largely used in today's ethnolinguistics. However, not all has been published, many works have become a rarity and need to be reprinted and given commentary by modern scholars. There have been almost no translations of works of Kharkiv scientific predecessors into other languages and they are little known abroad.

Keywords: ethnolinguistics, history of science, Kharkiv philological school, Hryhoriy Skovoroda, epistemological traditions, Izmail Sreznevsky, Oleksandr Potebnya, humanities.

«Мы познаём в той мере, в какой любим».

Августин

Харьковская гуманитаристика, во многом восходящая к плодотворным идеям и деятельности выдающегося украинского философа Григория Саввича Сковороды, обогатила науку многими оригинальными теоретическими построениями и практическими изысканиями. Значительны достижения харьковских ученых XIX – начала XX веков и в области славистики. Особенно ценным можно считать вклад Харьковской

филологической школы, связанной с Харьковским императорским университетом (с 1805 г.) и другими образовательными, научными и культурными институциями города и губернии. Многие харьковские ученые вплотную подходили к идеям, позже оформившимся в этнолингвистику. Наиболее яркого, выдающегося харьковского филолога – Александра Афанасьевича Потемню – основатель Московской школы этнолингвистики Никита Ильич Толстой однозначно называет этнолингвистом. Следует, однако, заметить, что данная констатация представлена в следующем контексте: «К сожалению, ещё мало изучен, мало освещён, а отчасти и вовсе забыт Потемня-мифолог, Потемня-этнолингвист, Потемня-исследователь славянских народных древностей» (Толстой, 1999в, с. 303). (Это утверждение содержится в статье «О некоторых этнолингвистических наблюдениях А. А. Потемни», впервые опубликованной в 1981 г. в сборнике материалов конференции «Потемнянські читання», проходившей в Киеве).

По-видимому, есть необходимость осмыслить феномен предшествования этнолингвистики, в данном случае – его конкретные проявления, специфику, местные корни. Как представляется, такой подход (так сказать, «вертикальный») может стать существенным дополнением к тому подходу (назовём его «горизонтальным»), который уже отчасти представлен в работах Н. И. Толстого и А. Л. Топоркова.

Целью данного исследования является определить некоторые проявления харьковского предшествования этнолингвистики, а также выявить проблемы и сложности, сопровождающие изучение и рецепцию наследия харьковских учёных – предтеч этнолингвистики.

В первую очередь следует вернуться к фигуре Г. С. Сковороды, который во многом стоит у истоков харьковской гуманитаристики, в том числе и этнолингвистики. Какие качества этой уникальной личности, отразившиеся в деятельности и творчестве, повлияли на специфику поведения и мышления лучших представителей научного сообщества на Слобожанщине? Одновременно зададимся вопросом: какие качества Г. С. Сковороды заложили основы харьковского варианта предшествования этнолингвистики? Думается, что очень кратко их можно сформулировать так: глубина, объёмность мышления, удивительное видение скрытых связей, открытость к древней и современной ему европейской науке, демократичность и неприятие снобизма. Г. С. Сковорода, который был учителем людей, основавших вскоре после его смерти первый в подросийской части Украины университет европейского типа (это была его мечта и идея), создал векторы, которые определяли мыслительную и культурную атмосферу Харькова. В частности, учеником Г. С.

Сковороды был учёный, изобретатель и общественный деятель Василий Назарович Каразин, который внёс наибольший вклад в основание университета и имя которого это высшее учебно-научное заведение ныне носит.

Среди родоначальников Харьковской филологической школы могут быть названы такие важные для славянской этнолингвистики научные и культурные деятели, как Измаил Иванович Срезневский, Амвросий Метлинский, Пётр Гулак-Артемовский. Последний не только писал ставшие хрестоматийными басни с опорой на фольклор и народно-разговорный вариант украинского языка. Будучи профессором и ректором Харьковского университета, П. П. Гулак-Артемовский ввёл преподавание и изучение славистических дисциплин ещё до создания кафедр истории и литературы славянских наречий в университетах Российской империи в 1835 г. Именно П. П. Гулак-Артемовский, как показали исследователи истории славяноведения в Харьковском университете (Е. Ф. Широкопад и С. Ю. Страшнюк), составил проект инструкции, которая затем была принята для командировки в славянские земли молодых учёных Н. И. Прейса, О. М. Бодянского, В. И. Григоровича и И. И. Срезневского.

Из всех названных блестящих учёных Измаил Иванович Срезневский, как не раз отмечалось, в наибольшей мере сближался с местным славянским населением, много путешествовал пешком и на телегах вместе с крестьянами, собирал полевой диалектологический и этнографический материал, много общался на местных наречиях, которыми быстро овладевал. Эта деятельность в зарубежных славянских землях явилась продолжением его собирательской и издательской работы в Харькове, когда он, будучи студентом, а затем молодым преподавателем Харьковского университета, вошёл в группу молодых людей, интересующихся народным (прежде всего, украинским) творчеством, историей, психологией. Тогда И. И. Срезневский ездил на Запорожье, беседовал с потомками сечевиков, записывал их песни, а позже издавал сборники *«Запорожская старина»* (1833 – 1838 гг.), куда включал и свои довольно правдоподобные стилизации. Интересовался также и словацкими народными песнями, которые записал от словаков-«ходебщиков» в селе Варваровка Екатеринославской губернии. В 1832 г. И. И. Срезневский издал в Харькове, в типографии Харьковского университета, книгу *«Словацкие песни»*, куда вошли 20 песен в переводе составителя.

Среди исследований И. И. Срезневского можно выделить работы, посвящённые «мудрому Г. С. Сковороде» (слова И. И. Срезневского из письма к профессору И. М. Снегирёву «Взгляд на памятники украинской народной словесности», опубликованному в виде статьи

в «Учёных записках Императорского Московского университета» в 1834 г.). Это статья «Отрывки из записок о старце Григории Сковороде», опубликованная в журнале «Утренняя звезда» в 1834 г. и рассказ «Майор, Майор!», опубликованный в журнале «Московский наблюдатель» в 1836 г. Кроме того, И. И. Срезневский публикует и комментирует часть трактата Г. С. Сковороды «Начальная дверь ко христианскому добронравию» (статья «Преддверие» Григория Саввича Сковороды» в журнале «Москвитянин» в 1842 г.), «Выписки из писем Гр. Сав. Сковороды» в сборнике «Молодик» в Харькове в 1843 г. Как мы можем видеть, образ Г. С. Сковороды присутствовал в сознании И. И. Срезневского и, очевидно, не мог не влиять на его мыслительные и жизненные стратегии.

Для всего харьковского периода деятельности И. И. Срезневского характерно внимание к тому комплексу явлений, который затем станет рассматриваться этнолингвистикой, в частности, Московской школой этнолингвистики: народные верования, язык, фольклор, этнографические особенности в их местных разновидностях. Не случайно в рецензии на «Словарь церковнославянского и русского языка» в 1848 г. И. И. Срезневский писал: «Словарь с объяснениями историко-этнографическими всегда будет предпочтён словарю, в котором их нет», а в 1856 г. «выступил с заявлением о необходимости издания *“Материалов для этнографического словаря русского языка”*» (Толстой, 1999а, с. 284) (статья «И. И. Срезневский-диалектолог»). В архиве И. И. Срезневского в результате его поездок по славянским землям в 1839 – 1842 гг. оказались образцы и словацких диалектов. Как отмечает Н. И. Толстой, «образцы эти содержат богатый фольклорный материал, так как помимо диалогов, монологов и других типов диалектной речи записывались сказки, пословицы, песни и т. п.» (Толстой, 1999а, с. 271).

Особое внимание уделял И. И. Срезневский – и в научных изысканиях, и в учебном университетском курсе «Общее филологическое обозрение славян» – «славянскому язычеству, верованиям и обрядам и наслаивающемуся на них или вытесняющему их раннему христианству» (Толстой, 1999б, с. 347) (статья «Курс *“Введение в славянскую филологию”* и его отношение к курсу *“Старославянский язык”*»). Например, в 1846 г. И. И. Срезневский опубликовал в Харькове исследование «Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям» (за которое он первым в Российской империи был удостоен учёной степени доктора славяно-русской филологии). После защиты докторской диссертации учёный продолжает исследовать славянское язычество («О языческом веровании древних славян в бессмертие души», 1847 г., «Збручский истукан Краковского музея»,

1850 г., «Свидетельство Паусиевского сборника о языческих суевериях русских», 1851 г., «Роженицы у славян и других языческих народов», 1855 г. и др.).

Насколько изучено и введено в активный научный оборот наследие И. И. Срезневского, важное для этнолингвистики? Отвечая на этот вопрос, к сожалению, приходится начинать с базового: не всё издано. В 1981 г. Н. И. Толстой писал: «При жизни Измаил Иванович опубликовал лишь часть своих диалектологических записей и разысканий. Эта часть относилась в основном к довольно обширным словенским материалам. Материал же словацкий, силезский, сербскохорватский и серболужицкий оставался и во многом остаётся до сих пор неопубликованным» (Толстой, 1999а, с. 270 – 271). Важно также, что основатель Московской школы этнолингвистики считал, что «следовало бы переиздать библиографию трудов Измаила Ивановича, составленную А. Ф. Бычковым (Сб. ОРЯС, 1880, т. XXII, прил. № 6), с дополнениями (издания XX в. и т. п.) и приложить к ней подробную опись архивных материалов Измаила Ивановича (ЦГАЛИ, Архива АН и др.)» (Толстой, 1999а, с. 278; выделено мной. – Г. К.). К 200-летию И. И. Срезневского в 2012 г. в Харькове была издана библиография работ И. И. Срезневского (и о И. И. Срезневском), но без учёта архивных материалов. Таким образом, важная задача, сформулированная Н. И. Толстым, пока ещё не выполнена.

Далее, существует проблема доступности работ И. И. Срезневского, относящихся к этнолингвистике. Многое из того, что было опубликовано до 1917 г., ни разу не переиздавалось или не переиздавалось по-русски. Так, часть писем И. И. Срезневского к матери, касающуюся славян Штирии и Каринтии, перевёл на немецкий язык и издал австрийский славист Г. Невекловский. Ряд работ И. И. Срезневского имеют историко-научную ценность, отражая определённый этап развития науки о славянском язычестве (см., например, (Зубов, 2012, с. 191 – 194). Думается, что славянская этнолингвистика обогатилась бы, если бы были переизданы и прокомментированы с позиций современной науки ранние работы учёного о славянской мифологии и древних святилищах славян – подобно тому, как А. Ф. Журавлёв прокомментировал труд А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (Журавлёв, 2005).

Последователями И. И. Срезневского на кафедре истории и литературы славянских наречий Харьковского университета были братья Николай Алексеевич и Петр Алексеевич Лавровские, непосредственные преподаватели А. А. Потебни. В их наследии также есть работы, предвосхитившие этнолингвистику и заслуживающие внимания историков науки. В частности, довольно важным для понимания непростых путей

становления этнолингвистики является объёмный (на 102 страницы) труд П. А. Лавровского *«Разбор исследования „О мифическом значении некоторых обрядов и поверий“*. Сочинения А. Потебни. М., 1865», опубликованный в ЧОИДР в 1866 г.

Значительное место в предыстории славянской этнолингвистики занимает Харьковская лингвистическая школа (2-ая половина XIX в.). Яркой чертой названной школы является то, что её представители (А. А. Потебня, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. В. Ветухов, А. Г. Горнфельд, М. А. Колосов, Б. А. Лезин, А. В. Попов, М. Г. Халанский, В. И. Харциев и др. «исследовали язык в широком культурном и историческом контексте», «собирали и изучали фольклор и художественные ценности, составившие достояние национальной культуры» (Франчук – Рождественский, 1990, с. 569). В деятельности Харьковского историко-филологического общества (ХИФО), председателем которого определённое время был А. А. Потебня, принимали участие исследователи, занимавшиеся этнографией (в том числе народными верованиями) и фольклором (Н. Ф. Сумцов, П. Иванов, Д. К. Зеленин и др.).

Исследователи справедливо отмечают, что наиболее значительные достижения Харьковской лингвистической школы связаны с деятельностью Александра Афанасьевича Потебни, члена-корреспондента Петербургской Академии Наук, профессора Харьковского университета с 1875 г. (Франчук – Рождественский, 1990, с. 569). С проблематикой этнолингвистики в различных её пониманиях связаны практически все труды А. А. Потебни. Учёный рассматривал связи языка и мышления, языка и нации (например, в ранней, но ставшей классической работе *«Мысль и язык»* 1862 г.). Много уделил внимания А. А. Потебня связям языка с психологией, творчеством, литературой (например, в работах *«Из лекций по теории словесности»* 1894 г., *«Из записок по теории словесности»* 1905 г.). Однако особенно близки к этнолингвистике в понимании, принятом в Московской школе этнолингвистики, исследования А. А. Потебни, посвящённые связям языка с мифологией, фольклором, обрядами и играми. Результаты этих исследований представлены, в частности, в работах учёного *«О некоторых символах в славянской народной поэзии»* 1860 г., *«О мифическом значении некоторых обрядов и поверий»* 1865 г., *«О связи некоторых представлений в языке»* 1864 г., *«О Доле и сродных с нею существах»* 1867 г., *«О купальских огнях и сродных с ними представлениях»* 1867 – 1868 г., *«Переправа через воду как представление брака»* 1867 – 1868 г., *«Малорусская народная песня по списку XVI века: Текст и примечания»* 1877 г., *«Слово о полку Игореве»: Текст и примечания»* 1878 г., *«Объяснения малорусских и сродных народных песен»*

(в двух томах) 1883 – 1887 гг., рецензия на сборник песен, составленный Я. Ф. Головацким «Народные песни Галицкой и Угорской Руси» 1881 г. (Франчук – Рождественский, 1990).

Учёт широкого контекста возникновения, развития и функционирования языка, глубокое погружение в теоретические проблемы и любовное всматривание в богатейший фактический материал, в значительной мере собранный самостоятельно в полевых условиях, дали возможность А. А. Потебне выработать оригинальное синтетическое учение, сформулировать гениальные прозрения. Идеи, достижения, как и сама фигура, личность учёного вызвали у его современников и продолжают вызывать у исследователей величайшее уважение. Это касается не только украинских исследователей, но и зарубежных. Так, московский фольклорист и этнолог А. Л. Топорков отмечает: «На рубеже XX и XXI вв. классические исследования харьковского учёного по фольклору сохраняют не только академический интерес, но и как бы переживают своё новое рождение. Соотношение слова и мифа, языка и мировидения, проблемы антропоцентрической установки в языке, языковой картины мира, поэтического языка, культурного и народно-поэтического символизма – словом, весь круг проблем, занимавших Потебню, снова оказался в центре внимания гуманитарной науки. От междисциплинарной раздробленности и специализации мы вновь стремимся к синтезу и универсальности. И находим высокие образцы в классических сочинениях Потебни» (Топорков, 2000а, с. 447). Сербский учёный Деян Айдачич считает, что «этнолингвистам, интересующимся сербским языковым, фольклорным и этнографическим материалом, обязательно надо познакомиться с классическими произведениями А. Потебни» (Айдачич, 2007, с. 6). Основатель Московской этнолингвистической школы Н. И. Толстой характеризует А. А. Потебню так: «блестящий харьковский лингвист, филолог, философ и мифолог» (Толстой, 1999в, с. 302). Завершая статью «О некоторых этнолингвистических наблюдениях А. А. Потебни», учёный отмечает: «За век, отделяющий нас от той поры, когда мыслил, творил и обобщал глубоко чтимый нами “харьковский отшельник”, индоевропейская и славянская мифология и этнолингвистика добились значительных успехов. Однако мы и сейчас полагаем, что она не достигла ещё необходимого уровня <...>» (Толстой, 1999, с. 315).

Целый ряд работ харьковских учёных вошли в золотой фонд славянской этнолингвистики. Подтверждением этому, в частности, могут служить библиографические списки в пятитомном московском этнолингвистическом словаре «Славянские древности».

Однако, несмотря на чрезвычайную ценность наследия представителей Харьковской филологической школы, их творчество всё ещё недостаточно изучено, прокомментировано, включено в современный научный оборот. Можно констатировать, что существуют определённые проблемы в изучении и рецепции наследия выдающихся харьковских учёных, предвосхитивших этнолингвистику.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть наследия А. А. Потебни не переиздавалась ни разу после первого издания (в основном ещё XIX века). В частности, это касается уникального двухтомника – книги *«Объяснение малорусских и сродных народных песен»*, которая имеет непреходящее значение не только для украинистики и славистики, но и для всей мировой гуманитаристики.

Заставляют задуматься и побуждают к действию слова Д. Н. Овсянико-Куликовского, написанные ещё в 1893 г., вскоре после смерти Александра Афанасьевича Потебни. В статье *«А. Потебня как языковед-мыслитель»* младший современник и коллега А. А. Потебни в Харьковском университете писал: «Если бы Потебня писал, например, по-немецки – его имя давно уже стояло бы рядом с именами великих учёных XIX века, и возникла бы целая литература комментариев, популяризации, приложений его открытий к различным смежным сферам знания и т. д.». И далее автор утверждает: «Бесспорно, – такая литература со временем и возникнет за границей, когда труды Потебни будут переведены. Влияние нашего учёного на западноевропейскую науку будет, без всякого сомнения, очень значительно, – и его имя будет по праву передано грядущим векам, как одно из славнейших имён науки» (Овсянико-Куликовский, 1893, с. 59). С сожалением приходится признать, что состояние освоенности и обработанности научного наследия А. А. Потебни далеко от начертанной Д. Н. Овсянико-Куликовским перспективы. Причём следует заметить, что ситуация остаётся сложной и в западной науке, и в отечественной.

Харьковский филолог Сергей Вакуленко изучал степень знакомства западных учёных с творчеством А. А. Потебни. С опорой на исследование С. В. Вакуленко представим, в какой мере идеи и достижения А. А. Потебни, предварающие этнолингвистику, освоены западной наукой.

Так, французская исследовательница Жаклин Фонтен проанализировала теоретическое значение работы *«Мысль и язык»* в статье *«А. А. Потебня – фигура в российской лингвистике XIX века»* (Fontaine, 1995, с. 95 – 111). Интересно, что Ж. Фонтен обращает внимание не только на лингвистические аспекты, но и на национально-политическую позицию харьковского учёного. «Ориентацию А. А. Потебни на немецкую научную и философскую традицию автор объясняет как обусловленную его

украинским происхождением своеобразную оппозицию к господствующим тенденциям российской интеллектуальной жизни» (Вакуленко, 2007, с. 29).

Швейцарская славистка Ильзе Эрмен осуществила в 1995 г. первый обзор рецепции работ А. А. Потебни учёными Запада в статье «Александр Афанасьевич Потебня (1835 – 1891) и его восприятие на Западе». Исследователь отмечает: «Несмотря на наличие некоторых начальных попыток анализа теорий Потебни и созданную для заинтересованной публики возможность составить своё общее представление о его достижениях, всё ещё недостаёт того основного, что позволило бы читателю, не знающему русский язык, выработать собственное мнение об этом, вне сомнения, выдающемся учёном, – то есть прежде всего переводов и монографических исследований». И далее И. Эрмен продолжает: «Определение его места в контексте эпохи ещё не завершено, исследование идейных параллелей (во-первых, с Пирсом, во-вторых, с идеалистической философией) до сих пор не осуществлено» (Эрмен, 2004, с. 258). Таким образом, можно считать, что из всего наследия А. А. Потебни западной наукой, близкой к этнолингвистике, пока что могут быть учтены лишь общетеоретические положения, которые развивают идеи В. фон Гумбольдта о внутренней форме или размышления о связи языка и нации. Очевидно, богатые исследования А. А. Потебни, посвящённые славянскому фольклору, мифологии, обрядам, не скоро будут привлечены к сравнению с традиционной народной культурой западноевропейских народов. Так же и те теоретические положения, которые (иногда эксплицитно, но чаще имплицитно, скрыто) стоят у А. А. Потебни за анализом фактического материала (языкового, фольклорного, этнографического), не могут быть учтены в западных этнолингвистических исследованиях в ближайшее время. Необходимо отметить, что этому мешает не только отсутствие (или крайняя недостаточность) переводов трудов А. А. Потебни, но и специфический стиль изложения (известно, что В. М. Мокиенко, например, называет манеру письма учёного «телеграфным стилем»). Д. Н. Овсяннико-Куликовский, характеризуя «важнейшие труды Потебни», упоминает и «их скрытый (под чрезмерно-сжатым изложением) смысл» (Овсяннико-Куликовский, 1893, с. 1). Зачастую А. А. Потебня крайне мало пишет «от себя», но при этом подаёт обильный фактический материал таким образом и в такой последовательности, чтобы возбудить самостоятельную мысль у читающего. Это связано с его теоретическими положениями об общении как обмене намёками, о понимании, которое одновременно есть непонимание. Не случайно Патрик Серию в статье «*Эволютивный синтаксис: оппозиция*

глагол / существительное и развитие мысли по Потебне» замечает: «несмотря на свой порой загадочный характер, языковедческое мышление Потебни определенно является стройным» (Sériot, 2002, с. 52; цит. по: Вакуленко, 2007, с. 29). Думаем, следует учитывать эти сложности восприятия текстов А. А. Потебни западными учёными. Среди них могут быть исследователи, более «настроенные» на работы харьковского мыслителя, но это касается не всех. Возможно, не случайно то, что швейцарский исследователь глубже понял А. А. Потебню, чем американский (Х. Бирнбаум), ср.: «Примечательно, что у Серио уже наблюдается значительно более глубокое проникновение в сущность потебнианской концепции по сравнению, скажем, с Бирнбаумом» (Вакуленко, 2007, с. 29).

Следует заметить, что интерес к творчеству А. А. Потебни на Западе в последнее время был поддержан организацией конференции, которая была проведена 6 – 8 июня 2013 г. в Швейцарии. Конференцию «A. Potebnja (1835 – 1891): le langage et la pensee» («А. Потебня (1835 – 1891): язык и мысль») организовали под эгидой Лозанского университета Патрик Серио и Маргарита Шененбергер. (Проходила конференция в городке Кюи под Лозанной.) Среди участников были учёные из Швейцарии, Италии, Франции, Чехии. Сборник материалов конференции ещё не опубликован. (Сведения предоставлены Сергеем Вакуленко, участвовавшим в конференции. Приносим ему сердечную благодарность.)

Есть основания надеяться, что творчество А. А. Потебни будет лучше изучено на Западе благодаря деятельности «Научно-исследовательского центра по истории и сравнительной эпистемологии языкознания центральной и восточной Европы» при Университете Лозанны («Centre de recherches en histoire et épistémologie comparée de la linguistique d'Europe centrale et orientale» (CRECLECO) / Université de Lausanne).

Не очень активно используются работы А. А. Потебни, насколько нам известно, и в славянских странах. Так, глава польской школы этнолингвистики Ежи Бартминьски считает, что необходимо перевести на польский язык работы А. А. Потебни, близкие к этнолингвистике (устное сообщение). В Сербии, по данным Деяна Айдачича, А. А. Потебню знают, скорее, как теоретика, близкого к В. фон Гумбольдту (устное сообщение).

Таким образом, можно утверждать, что серьёзной проблемой в освоении наследия А. А. Потебни (как и И. И. Срезневского, Н. Ф. Сумцова и других выдающихся харьковских учёных, предвосхитивших этнолингвистику) является почти полная непереуведенность трудов на другие языки.

На постсоветском пространстве творчество А. А. Потебни известно больше, но всё же по-прежнему актуальны слова основателя и главы

Московской этнолингвистической школы Н. И. Толстого, приводившиеся выше («К сожалению, ещё мало изучен, мало освещён, а отчасти и вовсе забыт...»). Считаем, что работы А. А. Потебни, особенно те, которые касаются славянской традиционной народной культуры, нуждаются в первую очередь в переиздании в полном объёме. Это был бы акт, знаменующий начало достойного почитания великого учёного со стороны славистической общественности. Полные, без сокращений тексты А. А. Потебни заслуживают подробного комментирования на уровне современной этнолингвистики. Ценная работа по комментированию части трудов харьковского учёного, опубликованных нередко с большими сокращениями, может рассматриваться как начало обозначенной деятельности.

Кроме того, следует, на наш взгляд, наметить хотя бы в отдалённой перспективе план создания Этнолингвистического атласа Слобожанщины. В таком атласе, безусловно, будут учтены и фольклорные и этнографические материалы, собранные А. А. Потебнёй (например, в Волчанском уезде Харьковской губернии, в частности, в с. Рубижня) и в некоторых случаях подробно прокомментированные (см. веснянка «Ой снодо, снодо тонкая...» в работах «*Переправа через воду как представление брака*» и «*Объяснение малорусских и сродных народных песен*» (т. 1, с. 138 – 144).

Важным представляется изучение вопросов приоритетности некоторых идей А. А. Потебни в контексте науки того времени. Например, А. Л. Топорков пишет в комментарии к работе «*О связи некоторых представлений в языке*» (1864 г.): «По-видимому, он первым в отечественной науке занялся исследованием художественного пространства фольклорных текстов» (Топорков, 2000б, с. 475). Думается, что для более определённого понимания места А. А. Потебни в науке нужны обстоятельные сопоставления его наследия с трудами предшественников и современников. Об особом положении А. А. Потебни в истории науки Н. И. Толстой пишет так: «<...> при всём широком знании и пользовании литературой предмета и современной ему научной методологией, при частом обращении к материалу и положениям его старших современников “харьковский отшельник” остаётся самобытным и оригинальным, и потому отличным от других и часто непонятым другими. Сам того, быть может, не понимая, А. А. Потебня больше обращался к будущим читателям, чем к современникам, и посмертная судьба его книг, статей и особенно лекций – тому подтверждение» (Толстой, 1999в, с. 304 – 305). Очевидно, что труды выдающегося учёного заслуживают каждый раз нового прочтения. Вступая с ними в диалогические отношения на каждом новом этапе развития науки, при каждой смене научной парадигмы, исследователи

могут видеть, как всё новыми гранями, не замечаемыми ранее, поворачивается концептуальная сфера А. А. Потебни-мыслителя.

Намечая перспективы развития индоевропейской и славянской мифологии и этнолингвистики, Н. И. Толстой писал: «В этой работе идеи и исследования А. А. Потебни будут необходимы как стимул, как пример научного подвига, как источник прозрений и веры в гуманистическое предназначение филологической науки» (Толстой, 1999в, с. 315). Думается, что эти слова можно распространить (в той или иной мере) и на других видных деятелей харьковской гуманитаристики.

Таким образом, можно констатировать, что обращение к трудам выдающихся харьковских учёных, предвосхитивших этнолингвистику, даёт не только сведения по истории науки, не только ценный материал и интересные наблюдения, но и обладает вдохновляющим воздействием. С другой стороны, в полной мере понять этих учёных мы имеем надежду лишь тогда, когда постараемся увидеть их личность и деятельность целостно. Важным представляется также включать в поле исследовательского зрения эпистемологические традиции, складывающиеся в определённых научных центрах. Для харьковского варианта предшествования этнолингвистики характерны константы, заложенные ещё Г. С. Сковородой, и в наиболее полном виде проявившиеся в деятельности и творчестве А. А. Потебни. обстоятельное выявление того, что объединяет Г. С. Сковороду и лучших представителей харьковского научного сообщества, предвосхитивших этнолингвистику, предстоит ещё осуществить.

ЛИТЕРАТУРА

- АЙДАЧИЧ, Д.: *Сербська етнолінгвістика та використання сербського матеріалу в слов'янських етнолінгвістичних працях*. In: Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. № 787. Серія Філологія. Вип. 52. Харків: Видавничий центр ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2007, с. 3 – 7. ISSN 0453-8048.
- ВАКУЛЕНКО, С. В.: *Рецепція ідей Потебні в західному мовознавстві останніх десятиріч*. In: Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. № 787. Серія Філологія. Вип. 52. Харків: Видавничий центр ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2007, с. 26 – 33. ISSN 0453-8048.
- ЕРМЕН, І.: *Олександр Опанасович Потебня і його сприйняття на Заході*. In: Збірник Харківського історико-філологічного товариства. Нова серія. Харків: Видавництво Харківського історико-філологічного товариства, 2004. Т. 10, с. 251 – 261. Без ISSN.

- ЖУРАВЛЕВ, А. Ф.: *Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славянна природу»*. Отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2005. 1004 с. ISBN 5-85759-318-2.
- ЗУБОВ, И. И.: *Двойственное число в древнерусском «Слове Исаии Пророка...»: контекстуальное истолкование формы «рожаницам»*. In: И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И. И. Срезневского: сборник статей Международной научной конференции, 26 – 28 сентября 2012 г. Отв. ред. И. М. Шеина, О. В. Никитин. Рязань: Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2012, с. 191 – 194. ISBN 978-5-88006-794-7.
- ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ, Д. Н.: *А. А. Потебня как языковед-мыслитель*. Оттиск из журнала *Киевская Старина*. Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1893. 59 с. Без ISBN. Также доступно в интернете <http://crecleco.seriot.ch/textes/Ovsj-Kul93.html>
- ТОЛСТОЙ, Н. И.: *И. И. Срезневский – диалектолог*. In: Толстой Н. И. Избранные труды. Том III. Очерки по славянскому языкознанию. Москва: Языки русской культуры, 1999а, с. 267 – 284. ISBN 5-7859-0081-5.
- ТОЛСТОЙ, Н. И.: *Курс «Введение в славянскую филологию» и его отношение к курсу «Старославянский язык»*. In: Толстой Н. И. Избранные труды. Том III. Очерки по славянскому языкознанию. Москва: Языки русской культуры, 1999б, с. 346 – 356. ISBN 5-7859-0081-5.
- ТОЛСТОЙ, Н. И.: *О некоторых этнолингвистических наблюдениях А. А. Потебни*. In: Толстой Н. И. Избранные труды. Том III. Очерки по славянскому языкознанию. Москва: Языки русской культуры, 1999в, с. 302 – 315. ISBN 5-7859-0081-5.
- ТОПОРКОВ, А. Л.: *Комментарии*. In: Александр Афанасьевич Потебня. Символ и миф в народной культуре. Сост., подг. текстов, ст. и коммент. А. Л. Топоркова. Москва: Лабиринт, 2000а, с. 451 – 479. ISBN 5-87604-107-6.
- ТОПОРКОВ, А. Л.: *Работы А. А. Потебни о народной поэзии*. In: Александр Афанасьевич Потебня. Символ и миф в народной культуре. Сост., подг. текстов, ст. и коммент. А. Л. Топоркова. Москва: Лабиринт, 2000б, с. 443 – 447. ISBN 5-87604-107-6.
- ФРАНЧУК, В. Ю. – РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Ю. В.: *Харьковская лингвистическая школа*. In: Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Сов. Энциклопедия, 1990, с. 569 – 570. ISBN 5-85270-031-2.
- FONTAINE, J.: *A. A. Potebnja, figure de la linguistique russe du XIX siècle*. In: Histoire Epistémologie Langage, 1995. Vol. 17. Fasc. 2: Une familière étrangeté: La linguistique russe et soviétique, p. 95 – 111. ISSN 0750-8069.
- SÉRIOT, P.: *Une syntaxe évolutive: l'opposition verbo-nominale et le progrès de la pensée chez A. Potebnja*. In: Modèles linguistiques. 2002. T. 23. Fasc. 1: Histoire de la syntaxe, 1870 – 1940, pp. 41 – 53. ISSN 1413-2109.

НАЙТИПОВІШІ СИНТАКСИЧНІ КОНСТРУКЦІЇ У ЖИТОМИРСЬКОМУ СПИСКУ ЛІТОПІСУ ГРИГОРІЯ ГРАБ'ЯНКИ

Ольга Геращенко

SOME CHARACTERISTIC SYNTACTIC TURNS IN THE ZHYTOMYR REDACTION OF HRYHORIY HRABYANKA'S CHRONICLE

Abstract: In the text under scrutiny, only one part of grammatically optional words and phrases, like multiple heads and modifiers, apostrophes, adjectival participle clauses, are linked to the rhetoric tradition. Other optional clause constituents (parentheticals, adverbial participle clauses, some instances of embedded adjectival participle clauses) did not correspond to it any longer. Neither the most characteristic sentence types nor the ways of introducing the direct speech are patterned on the rhetoric examples. It is true that some features of the rhetoric periodic style are still present in the chronicle, but they are not decisive. The sources of the text's syntactic make-up might be looked for in the traditions of the literary usage of Kievan Rus. Practically all the types of compound sentences, as well as the connectors employed to bind them together, had been used in Old Rusian chronicles and in other records. The rhetoric means of expression bear witness to Hrabyanika's endeavour to write a text within the West European framework, whereas the antiquated syntax was meant to produce a Ukrainian-like style, best suitable, in the author's opinion, for conveying his own patriotic and edifying ideas.

Keywords: one-word optional clause constituents, extended optional clause constituents, syndetic sentences, compound sentences, complex sentences, asyndetic sentences, sentences with various connection types.

Як уже ми відзначали в попередніх статтях, де аналізували мову житомирського списку короткої редакції літопису «Дѣйствія презѣльной... брани Богдана Хмелницкого», незважаючи на риторичну природу твору, синтаксичну організацію тексту навряд чи можна назвати «тотально» риторичною. Не можна говорити, що твір написано так званим «періодичним» стилем, що розвинувся під впливом тогочасного риторичного вчення про період, оскільки періодів в аналізованому нами списку небагато (Геращенко, 2014, с. 23). Тут ми найчастіше знаходимо не періоди, а речення із сурядним зв'язком, безсполучниковим зв'язком, прості ускладнені речення. Неускладнених простих речень у пам'ятці практично немає. На нашу думку, це зумовлено, по-перше, жанровою природою твору: в історіографічній прозі тяглість, безперервність історичного

процесу навряд чи можна адекватно віддзеркалити за допомогою простих синтаксичних структур, якщо лише оповідь не перетворюється в коротку порічну згадку про події. По-друге, дається взнаки прийом риторичної ампліфікації – засадничий принцип риторичної організації тексту пам'ятки, що полягав у нагромадженні однорідних (часто синонімічних) змістових або формальних елементів з метою посилення виразності висловлювання.

1. Ускладнювальні слова й конструкції

Ускладнювальними засобами в реченнях літопису могли бути однорідні члени речення, звертання, порівняння, вставні слова та конструкції, прикладки та відокремлені звороти, найчастіше дієприкметникові й дієприслівникові. Часте вживання в пам'ятці однорідних членів вписується в загальну риторичну модель, бо реалізує прийом риторичної ампліфікації: найчастіше ці одиниці утворюють вербальну фігуру підкріплення **синантройзм** (див. про неї у Геращенко, 2013, с. 27).

Звертання в «Дѣйствіях...» – це пряме звернення до адресата, тобто риторичне звертання, чи змістова фігура (тобто фігура думки) встановлення контакту з читачем, яка називається **апострофою**: *Вбачъ кождіу русинѣ [.] України ма(т)ки твоєи снѣ яко Бгъ тебѣ любить [.]* (Гісторія, 2001, с. 79).

Порівняльні звороти теж є фігурою думки (**риторичне порівняння**), але вже семантично-афективної природи, оскільки мають виразне емоційне забарвлення: *и дшею боляше зѣло, яко снове єя* (Гісторія, 2001, с. 56), *не оста в нихъ силы, яко трава или цвѣтъ о(т) мразу* (Гісторія, 2001, с. 75), *всѣ же ти вибирахуся, яко на веселіє* (Гісторія, 2001, с. 86), *что до короля, сего яко пана поситаемъ* (Гісторія, 2001, с. 95). Отже, і в цьому разі маємо справу з реалізацією загальних риторичних приписів.

З риторичними настановами пов'язані й відокремлені дієприкметникові звороти, оскільки вони є, як правило, дистантними щодо означуваного слова й тому служать для утворення вербальної риторичної фігур **гіпербатон** (роз'єднання взаємопов'язаних елементів синтаксичної структури та розміщення їх на відстані один від одного), а також **анастрофи** (інверсії): *Народъ в Малороссійской странѣ, глголеміи козаки [.] своє иматъ проименованіє воправду о(т) древняго своего рода коза(р) ска [.]* (Гісторія, 2001, с. 40), *Козар** сихъ же Левъ I Саврянинъ, ца(р) греческій примирити себѣ хотяциу поя сну своему Лву Копрониму во жену дще(р) козарского князя* (Гісторія, 2001, с. 41).

В останньому прикладі дієприкметниковий зворот має ще й причинове значення.

Трапляються випадки відокремлених **дієприкметникових зворотів**, що не утворюють жодної риторичної фігури: *Тоу Стославъ иде на Оку реку и на Волгу, и видєвъ вятичи, дающіє козара(м) дани, о(т)я ихъ о(т) козаровъ* (ibid.).

Звернімо увагу, що, на відміну від попередніх прикладів, тут дієприкметник короткий, а перед ним стоїть сурядний сполучник *и*, тобто ми маємо всі підстави, щоб трактувати його як додатковий присудок. Саме таке явище було типовим для пам'яток киеворуської писемності з початку XII ст., зокрема для «Життя Даниїла-ігумена» (Грищенко, 1983, с. 477).

Узагалі, у літописі досить часто можна помітити ускладнювальні засоби, уживання яких не вписується в класичну риторичну модель. Це, прикладом, речення з **дієприслівниковим зворотом**. Як відомо, дієприслівник утворився з активного нечленного дієприкметника, який, утративши свою атрибутивність і набувши більше предикативності, перестав узгоджуватися з іменником у роді, числі й відмінку. Порухення дієприкметника з іменником трапляється ще в найдавніших киеворуських пам'ятках XI – XIII ст. (Абдулхакова, 2007, с. 5, 10). Цікаво, що в літописі можна зауважити виразне відмежування дієприслівників від коротких дієприкметників, ми їх не сплутаємо, адже дієприслівники ніколи не узгоджуються з підметом у роді (що свідчить вже про їх незмінність), а також відриваються від підмета і приєднуються до групи присудка (Грищенко, 1983, с. 478). Таке явище спостерігається ще в Лаврентіївському літописному списку XIV ст. (Безпалько, 1960, с. 11):

- ... и сим о(б)разомъ козари примирившєся со греки, начаша помалу навикати христіанскія о(т) херсонянь вѣри (Гісторія, 2001, с. 41);
- Христіанъ о(т)туду изгнавшє, сѣдоша, и приходяще с печенєгами на Русь, многія пакости странамъ симъ творяху (Гісторія, 2001, с. 44).

Типовою ускладнювальною структурою речень є **прикладка**:

- Сій козари бяху о(т) плємени Гомера, Афєтового сна, и о(т) Гомера прєждє нарицахуся гомєри, а о(т) грековъ кумєри (Гісторія, 2001, с. 40);
- По Олгу бы(ст) князь в Кієвѣ Ігорь Руриковичь, по Ігору Святославъ Ігоровичь, о(т)ць великого Владимєра (Гісторія, 2001, с. 41).

Прикладка теж не утворює жодної риторичної фігури, натомість в історії української літературної мови вона відома з XII ст. (уживається в так званій Мстиславовій грамоті 1130 р.).

Речення зі **вставними словами й конструкціями** є в літописі поодинокими:

- *Пища ихъ – житное тѣсто [.] квашеное редцѣ и сварено [.] и тѣмъ суть доволни [.] а когда случитѣся з ри(б)ною [(:) яко козаки глголють [(:) щ(є)рбою [.] то за надъпредънѣишую господскую трапезу имѣють [.]* (Гисторія, 2001, с. 49).

За О. П. Безпальком, вони також були рідкісними в киеворуській писемності, хоча дослідник наводить аналогічний до нашого приклад із Лаврентіївського списку: *Ярославъ же сеи, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ* (Безпалько, 1960, с. 10).

2. Складносурядні речення

Типовими для пам'ятки є речення зі сполучниковим зв'язком. Часто вони є **складносурядними**. Паратактичний сполучниковий зв'язок суперечить «засадничій гіпотактичності» періодичного стилю. Відтак можна сказати, що складносурядне речення не вписується в традицію риторичного письма, котре розвинулося в українській літературній мові середньої доби внаслідок європейських впливів (передусім польських). Очевидно, взірці такої своєрідності слід шукати в інших джерелах. Монографії з історичного синтаксису дають нам змогу певною мірою з'ясувати походження названих структур.

У літописі «Дѣйствія презѣльной... брани Богдана Хмельницкого» для поєднання частин складносурядного речення вживаються єднальний сполучник **и**, єднально-приєднувальний чи протиставний **а** та протиставний **но**:

- *Речетъ старшии слово [.] и абіе виска числомъ аки // аки трави будетъ* (Гисторія, 2001, с. 51);
- *Язи(к) то бѣ словенскій, а живяху близъ Меотіиского єзера исперва* (Гисторія, 2001, с. 40);
- *Пища же имъ бѣ на полѣ суровое мясо [.] а во бранехъ зѣло хра(б)ри, и всѣмъ страшни* (Гисторія, 2001, с. 41);
- *... води бѣднои не напися безкровнои заплати [.] но и ту з чє(р)віемъ о(т) трупія и ропу піяху ляхове* (Гисторія, 2001, с. 99).

Таке явище спостерігалось теж ще в пам'ятках Київської Русі, зокрема в літописах, – пор. приклади Лаврентіївського списку (Грищенко, 1983, с. 293 – 295; с. 306).

3. Складнопідрядні речення

Слід зазначити, що в «Дѣйствіях...» досить часто вживаються й різного типу **складнопідрядні** речення. Проте така гіпотактичність не може бути пояснена риторичними настановами, оскільки, по-перше, найчастіше складнопідрядні речення не творять періоду, а по-друге, їх типи та різноманітні сполучні засоби функціонували в літературній мові киеворуської доби.

Отже, розгляньмо складнопідрядні речення пам'ятки за видами підрядних частин:

1) **Підрядні означальні** приєднувалися сполучними словами **кото-ріи, якии, иже**:

- *Того ляхи лестію ємше, до короля отослаша [,] которіи повелѣ о(т) сѣщи Подковѣ главу во Львовѣ* (Гісторія, 2001, с. 54 – 55);
- *Тамо не могуще ляхи козаковъ одолѣти, лестію миръ со(т)вориша [,] на якомъ мирѣ пн Кисѣль и инніє пнове іменемъ самого** гє(т)мана Конєцьпо(л)ского кля(т)ву учиниша [,] яко всякіє волности имѣють имъ дати [,] а о(т)мщенія имъ не творити никоего* (Гісторія, 2001, с. 63 – 64);
- *Даже до умертвія блговѣрнаго князя Свмеона (!) Олелковича, иже по разореніи Батієвомъ ну лѣтъ двѣстѣ и тридєся(т) стоящую стую ббси подо(б)ную церковъ Печерскую о(б)нови многимъ иждивеніємъ имѣнія своего* (Гісторія, 2001, с. 47).

Усі названі вище займенники у відносному значенні вживалися з XII – XIII ст. Так, **якии** та **иже** фіксуюється в Успенському збірнику, **кото-ріи** – в Іпатському літописному списку (Грищенко, 1983, с. 335 – 338).

2) **Підрядні з'ясувальні** частини приєднувалися до головних допомогою сполучника **яко** (також це явище спостерігається в Успенському збірнику):

- *Тако и ннѣ козаки храбрости своєи несокривающе, ко брани охочи, видя(т) бо всѣ на око, яко нѣмци, поляки и ту(р)ки берутъ наемъ многи и между собою толко біющєся показую(т) хра(б)ро(ст)* (Гісторія, 2001, с. 45 – 46);
- *Видѣвъ же Подкова, яко на господарствѣ Молдавскомъ не укрити(т)ся [,] о(б)яви [,] на Подоллє [,] возвратися* (Гісторія, 2001, с. 54).

3) **Підрядні часу** – не такі поширені, як два попередні типи, але теж нерідко трапляються в літописі Г. Граб'янки. Вводяться вони сполучником **и єгда**, що може в підрядній частині мати корелят **абіє**:

- *И єгда приидоша к єзерному [,] и начиша (!) блато приходити [,] стражіє прибѣгоша с поля возвѣщающе о Хмелницкомъ* (Гісторія, 2001, с. 101);
- *И єгда доиде по градѣхъ народу во ущи (!) [,] абіє бість молва [,] и мятежь великъ* (Гісторія, 2001, с. 115).

Препозитивна частина зі сполучником **єгда** відома в українській літературній мові з XII – XIII ст. (Успенський збірник) (Грищенко, 1983, с. 387), про прислівник **абіє**, що корелював з ним у головній частині, нам не вдалося знайти жодних відомостей.

1) **Підрядні місця** приєднувалися до головної частини найчастіше за допомогою **и де**, що також зафіксований в киеворуських літописах:

- *И прешедше за Днѣпръ, поселяхуся надъ Че(р)нимъ моремъ и де же ннѣ Очаковъ, Бѣлагородъ, даже до Панноній* (Гісторія, 200, с. 40).

2) **Підрядні причини**:

- *Александръ же Гвадѣнъ о(т) свободи нарицаеть козаками, зане же яко продковѣ ихъ, не о(т) нужди коєи, но о(т) доброи волѣ охотнѣи безъ наиму на брань хождаху* (Гісторія, 2001, с. 45).

3) **Підрядні мети**:

- *Єже и событься послѣди [,] тои же король Батура [,] даде козака(мъ) низовимъ во пристанище Терехтемировъ [,] дабы тамо во время зими всегда пребывали* (Гісторія, 2001, с. 52 – 53).

Найтиповіші причинові сполучники **зане, яко** та **бо** і сполучники, що вводять підрядну частину мети, **даби** та **аби** теж функціонували в давньоруських літописах (Грищенко, 1983, с. 426 – 427).

Досить рідкісним явищем для пам'ятки є **безсполучникові речення**. З однотипними частинами таких речень немає взагалі, трапляються лише різнотипні частини. Наявність безсполучникового зв'язку різко суперечить канонам періодичного стилю, які вимагали багатоступеневого формально-граматичного підпорядкування одних синтаксичних елементів інших, однак прекрасно вписується в українську літописну традицію, коли наступна частина безсполучникового речення найчастіше пояснювала попередню (Грищенко, 1983, с. 326):

- *Старѣишину своєго єдиного по друзимъ нарицаху каганомъ, и с тѣмъ воеваху на всѣ страни, наипаче же Цариграду бяху зѣло тяжци [:] єго же разорили быша конєчнѣ* (Гісторія, 2001, с. 41);
- *Тогда о(т)реки Козари именуємо(и) тожде племя гомєрово нарекишиє козарами надъ єзеромъ Меотіискимъ близъ Кимєріиского Восфора*

сѣде и расплождаюцися по сѣде обѣ страни Дона, протязаючи же селеніе себѣ: єдини во Азію, до реки Волги, впадающей во Хвалинское море, а друзій до реки Днепра доидоша (Гисторія, 2001, с. 40).

Такий тип речення старіший за сполучникову конструкцію. Про це ясно говорить поширеність цього типу речень в сучасних народних говорах і особливо в усній народній творчості (Безпалько, 1960, с.185).

4. Речення з різними типами зв'язку

Цей тип речення був найпоширенішим в аналізованій нами пам'ятці. Утім, як не дивно, такі складні синтаксичні структури найчастіше не становили періоду, бо в них ми не знайдемо хоча б двох його ознак. Поєднуватися міг сурядний зв'язок із підрядним:

- *Аще убо Веспезіанъ Коховскіи и о(т) козь дивихъ козаковъ нарицає(т), яко тѣмъ скоростію добрани соравняю(т)ся и ловомъ тѣмъ упражняхуся наипаче, но неприлично о(т) козь козаковъ нарицаєть* (Гисторія, 2001, с. 45);
- *Тогда видѣвшиє блгочестія снове [,] сію новоявлшуюся химеру [,] ужасохуся [,] и о(т)далиша себє о(т) єдности тѣхъ наємниковъ [,] а неистинныхъ пастирєи [,] и о(т)сюду раздєся облюбєницы Хрттовой єдиной блгчєстія риза [,] и смутися смущєніємъ неутѣшнимъ [,] православная церковъ [,] бѣ бо видѣвши на неи одѣяніє раздранно...* (Гисторія, 2001, с. 56).

Часто також трапляються випадки, коли речення містить сполучниковий зв'язок поряд зі сполучниковим:

- *Чєсому избытіє видимъ, єгда монарха и самодержецъ всея Рускія землѣ и страхъ многимъ ца(р)ствамъ равноапостолніи великіи князь Владимєрь врєменноє ца(р)ство оставивъ и к вѣчному поидє: раздѣлися ца(р)ство єго на дванадєся(т) княженіи* (Гисторія, 2001, с. 46).

На жаль, в науковій літературі не описано, коли з'явилися в українських пам'ятках речення з різними видами зв'язку. Проте зразки речень, наведені в монографічних роботах, свідчать, що знову-таки ці синтаксичні конструкції використовувалися і давньоруськими літописцями – пор. приклад з Іпатського списку: *аще и весь миръ совокупить. не вси въ ѿдинъ ѿбра(з). но кыже своимъ лицъ ѿбразо(м)* (Грищенко, 1983, с. 396).

Своєрідним різновидом речень з різними типами зв'язку можна вважати речення з прямою мовою. І в цьому разі ми бачимо виразну відповідність між способами її оформлення в Граб'янчиному творі

й давньоруських літописних пам'яток. В останніх пряма мова – характерна риса. Вона поєднувалася зі словами автора, або за допомогою лише попередження та сполучника **яко** («показник того, що між прямою й непрямою мовою розмежування тоді ще не було, що тут, власне, відбувається переростання прямої мови в непряму»): *И присла ко Аскольду и Дирови г҃ля, яко гость есмь и идемъ в Греки от Ольга и от Игоря княжича* (за Лаврентіївським списком) (Безпалько, 1960, с. 207). Аналогічне явище, навіть попередження тим самим дієсловом (**глаголити**), спостерігаємо в «Дѣйствіях...»:

- *Глаголетъ апстоль, яко о(т) похоти бываютьъ брани и о(т) сихъ раздѣлаю(т)ся ца(р)ства и превращаю(т)ся долги, всякое же раздѣлшеєся (!) ца(р)ство запусѣтъ* (Гісторія, 2001, с. 46);
- *Ихъ же видѣвъ радъ бысть зѣло [,] и начатъ своихъ утверждати глголя [,]: братія и молодци славного запорожского воиска [,] се прииде время приумѣте оружіе и щитъ вѣри... помѣните прежде бывшія воины украинскія [,] иже бяху [,] но муже(ст)вомъ своимъ всѣ страни обношаху страхомъ* (Гісторія, 2001, с. 73).

Отже, наш аналіз показав, що в літописі Г. Граб'янки лише деякі з ускладнювальних слів та конструкцій – однорідні члени, звертання, відокремлені дієприкметникові звороти – пов'язані з класичною риторичною традицією. Інші слова та структури, що ускладнювали речення, уже не відповідають їй (це вставні слова й конструкції, дієприслівникові звороти, навіть окремі приклади відокремлених дієприкметникових зворотів).

Слід також сказати, що найхарактерніші для досліджуваної пам'ятки типи речень – складносурядні, складнопідрядні (з різними типами підрядних частин), переважна більшість речень з різними видами зв'язку, а також безсполучникові речення, способи оформлення прямої мови не відповідають риторичним зразкам. Щоправда, риси риторичного періодичного стилю все-таки присутні в літописі (нами було виявлено 11 періодів), однак не вони є визначальними. Порівняння з даними наукової літератури засвідчило, що можна шукати джерела синтаксичної організації «Дѣйствій презѣльной... брани Богдана Хмельницького» радше у традиціях літературної мови Київської Русі. Практично всі типи складних речень, а також сполучні засоби, що поєднували частини таких речень, уживалися в давньоруських літописах та інших творах. Наша думка підтверджується й окремими випадками вживання давального самостійного, що про них писав ще П. Житецький (Житецький, 1987, с. 198 – 200), а також способами вираження присудка: минула дія передавалася

головно аористом та імперфектом – книжними формами, уже давно за-непалими в живій українській мові.

Цікаво, що жоден із науковців, що вивчали Граб'янчин твір, не називав серед його основних джерел киеворуські літописи. Проте синтаксичний аналіз пам'ятки свідчить, що її автор міг бути знайомий із традицією давнього українського літописання і з виразною стилістичною метою унікав періодичного стилю, хоча той де-не-де прозирає у його «Дѣйствіях презѣльной... брани Богдана Хмелницького». У зв'язку з цим виникає питання: чому автор пам'ятки не став послідовно дотримуватися класичної риторичної стилістики і в синтаксисі, а звернувся до іншої, давньої української, традиції? Нам здається, що тут теж виявився бароковий принцип поєднання протилежностей: риторичні художні засоби засвідчують Граб'янчині спроби написати твір у загальноєвропейському контексті, а старий синтаксис мав створити українську за духом стилістику, і, на думку автора, очевидно, якнайкраще надавався для втілення його патріотично-виховних ідей.

ЛІТЕРАТУРА

- АБДУЛХАКОВА, Л. Р.: *Из истории русского деепричастия: Учебное пособие для студентов филологических факультетов.* [online] Казань: Казанский государственный университет, 2007. 64 с. Без ISBN. Доступ в інтернеті: <http://old.kpfu.ru/f10/publications/2007/A1.pdf>. [15.10.2014].
- БЕЗПАЛЬКО, О. П.: *Нариси з історичного синтаксису української мови.* Київ: Радянська школа, 1960. 236 с. Без ISBN.
- ГЕРАЩЕНКО, О.: *Риси періодичного стилю в житомирському списку літопису Григорія Граб'янки.* In: *Slavica Nitriensia*, 3, 2014, 1, s. 20 – 28. ISSN 1338-7464.
- ГЕРАЩЕНКО, О.: *Фігури слів у житомирському списку літопису Григорія Граб'янки.* In: *Slavica Nitriensia*, 2, 2013, 1, s. 23 – 32. ISSN 1338-7464.
- Гисторія о началѣ проименованія козаковѣ.* In: *Гисторія Г. Граб'янки. Лѣтопись краткій...* Упорядник В. М. Мойсієнко. Житомир, 2001, с. 39 – 174. ISBN 966-7057-97-6.
- ГРИЩЕНКО, А. П. і кол.: *Історія української мови. Синтаксис.* Київ: Наукова думка, 1983. 504 с. Без ISBN.
- ЖИТЕЦЬКИЙ, П. Г.: *«Енеїда» Котляревського у зв'язку з оглядом української літератури XVIII ст.* In: *Житецький П. Г. Вибрані праці: Філологія.* Київ: Наукова думка, 1987, с. 140 – 253. Без ISBN.

СТИЛЬ І СТИЛІЗАЦІЯ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ РЕКЛАМІ

Ірина Іванова

STYLE AND STYLISATION IN MODERN UKRAINIAN ADVERTISING

Abstract: Linguostylistic aspect of the modern Ukrainian advertising formation is promising, interesting and creative direction for history of language and culture research. Advertising style and pastiche is one of the artistic techniques that is closely connected with the history, tradition and socio-political life of the country. This article gives a brief description of the main directions of modern Ukrainian advertising styling, outlines the specifics of the advertising text and its relationship with the functional style of the Ukrainian language.

Keywords: advertising text, advertising communication, advertising history, style, styling, functional style, communication channel.

Невід'ємною складовою сучасного світу є реклама в усьому розмаїтті її проявів. Надійно вплетена в життя кожної сучасної людини, реклама закоренилася глибоко в історії людства. Вочевидь, зародження соціуму, громадського життя, інституту торгівлі та послуг супроводжувалося інформаційним та емоційним впливом на вибір споживача. Один з перших текстів зустрічаємо на давньоєгипетському папірусі: це об'ява про продаж раба. З цих часів рекламний текст пройшов довгий шлях: удосконалювалася система жанрів і комунікаційні канали; виникали нові класифікації та категорії, вони постійно поповнювалися; експлуатувався художній метод, стиль і мода; збільшувався арсенал художньо-стилістичних засобів тощо.

Не менш чутливою виявилася реклама до маніпулятивних технологій: протягом багатьох років навіювання, пропаганда та агітація використовувалася в рекламному дискурсі. Саме тому сучасні рекламний образ, текст, міф, ікона заповнили інформаційний простір, панують в річищі масової культури. А останнім часом диктують моду, спосіб мислення та сприйняття світу. Красномовно звучить одна з останніх праць відомої спеціалістки з історії реклами В. Ученової: «Реклама и массовая культура: хозяйка или госпожа?». Насправді, останні десятиліття мода і стиль певним чином підкорюються індустрії реклами, взаємодіють у текстах та образах. Наприклад, персонажі «рекламні ікони» (Ковбой Мальборо, Чоловік у сорочці Hathaway, Едвард Уайтхед – зірка реклами напою Schweppes), міфи (рівень кислотності, зелена кава, лужно-кислотний

баланс), знаменитості (реклама Пепсі і Кока-коли), лозунги та короткі пісеньки (Твікс, Флінт, Козацька розвага) тощо.

Проблеми маніпулятивного впливу сьогодні є актуальними, висвітлюють провідні тенденції ментального руху нації та механізмів і напрямків змін сучасної цивілізації сучасної реклами, вони досліджувалися у працях вітчизняних лінгвістів (В. Зірка, В. Іванов, Г. Почепцов, Н. Слухай). З цього приводу показовим є твердження, що реклама є грою без правил. Відповідно закони рекламної творчості не піддаються раціональності. Акцент робиться на почуття, емоції, звуки, спомини, магію слова. Оскільки призначенням реклами як такої у першу чергу є розповсюдження інформації так або інакше, то ознака інформативності, насиченість інформацією є однією з інтегральних ознак рекламного тексту.

Історія реклами у працях зарубіжних спеціалістів посідає значне місце, слід назвати такі праці, як-от: історія російської реклами (О. Верігін, О. Головльова, Д. Розенталь); історія західної реклами (Ф. Еркенова); історія американської реклами (Х. Гудрум, Д. Огілві, Х. Стівенсон), всесвітня історія реклами (М. Тангейт; Н. Старих, В. Ученова), історія рекламних галусей (В. Охочинський, О. Павлінська, Т. Хайн) та ін.

Українська лінгвістика не залишає поза увагою рекламний дискурс, сучасний рекламний текст, його специфіку. Проблема реклами як дискурсивної практики присвячені праці Ф. Бацевича, В. Зірки, Р. Іванченка, Н. Слухай та ін. Українські лінгвісти вивчають сучасний стан мови реклами: маніпулятивні техніки в рекламі (В. Зірка, О. Іванова); прагмалінгвістичний аспект реклами (Ю. Корнєва, І. Мойсеєнко, Ю. Сильвестров); психолінгвістичний аспект реклами (Ю. Сорокін, Є. Тарасов); лінгвостилістичний аспект буття рекламного тексту (І. Іванова, Р. Іванченко, Н. Слухай); рекламний текст як форму маніфестації рекламного дискурсу (Ф. Бацевич, Н. Волкогон, Т. Кравець). На сьогодні широко та ґрунтовно описаний стан сучасної української та зарубіжної реклами, але відсутнє ґрунтовне мовознавче дослідження, присвячене історії української реклами.

У статті пропонується аналіз сутності та передумови використання стилів в рекламі та огляд засобів стилізації, модних тенденцій в сучасній українській рекламі на рівні рекламного тексту, його вербальних маніфестацій та жанрово-стилістичної специфіки.

1. Стиль і рекламний текст

Як відомо, поняття «стиль» в лінгвістиці є надзвичайно популярним, таким, що увійшло в науковий обіг ще за часів античної риторики. Відповідно маємо широке коло визначень, що наповнюють зміст цього терміну різним звучанням. Відповідно до досліджуваної теми за основу беремо одне з визначень поняття «стиль», запропоноване Л. Мацько: «Стиль – суспільно необхідний, історично сформований різновид літературної мови (її функціональна підсистема), що обслуговує певну сферу суспільної діяльності мовців і відповідно до цього має свої особливості добору й використання мовних одиниць. Кожний стиль має свою сферу використання, призначення, ознаки і мовні засоби» (Мацько – Сидоренко – Мацько, 2003, с. 450).

Стиль в рекламі умовно можна визначити на ґрунті низки категорій, декількох типів мовомислення. Насамперед слід визначити рівень експресивного стилю (високий, помірний, низький), де провідним критерієм залишається рівень експресивності вираження інформації, намірів та емоції, ілюктивна сила повідомлення.

Сучасна реклама є активним споживачем багатого арсеналу високого стилю у мові. Подібний текст багатий на тропи, квітчастий та емоційно забарвлений, використовуються власні назви (іноді знайомі тільки носіям даної культурно-соціальної групи), наприклад: *«Це місто Скаріс – це місто страхів! Шалена мода! Клоді Вовк, Рошел Гойл, Френкі Штайн, Сеньоріта Скеліта – стильна й несамовита. Завітай до Скарісу!»*; *«Декілька нових артів. Схоже, скоро має вийти нова колекція Бу Йорк»*.

Характерною ознакою реклами є чутливість до моди або ж соціального запиту. Рекламний дискурс надзвичайно соціалізований, а останні події в Україні сформували моду на національне, українське, патріотичне. Відповідно активно залучається до патріотичної реклами високий стиль з його пафосом, урочистим звучанням, високим рівнем експресивності та оцінки. Причём рекламний текст може оспівувати горілку, пальне, смажені горішки, це тематичне розмаїття свідчить про те, що ми маємо справу не з патріотичним рухом рекламних агенцій та замовників, а з гострою потребою суспільства почути цей пафос. Наприклад, реклама палива Energy: *«Коли все зупинилось, коли постало питання, як країні рушити з мертвої точки, ми не заглушили моторів. Ми мчали, поки не побачили – країна ожила. І це ми своєю енергією призвели її до руху. Тепер у нас є пальне, наше власне пальне. Пальне, виробництво якого дає роботу тисячам українців, а якість – упевненість мільйонам. Пальне, яке рухає країну вперед. Бензин Energy. Європа б ним пишалась, але він наш!»*.

Цей текст інтенсивно використовує стилістичний ресурс української мови. Реклама рясно наповнена фігурами, там використана метафора, метонімія, повтор, епітет, гіпербола та символ (стилістема). Звідси урочистість, «квітчастість» та панегіричне звучання. Емоційність та барвистість викладу разом із тропами створюють пафос високого стилю, за жанровими ознаками, це, безумовно, стилізація гоміолетичного, проповідницько-пропагандистського характеру. На цьому фоні дисонансом виявляється вживання лексеми «призводить» у невластивому для неї значенні, що свідчить, про необхідність надалі удосконалювати культуру мови серед вітчизняних текстотворців від реклами.

«Середній» стиль придатний для розмірковування, більш спокійного плину думок та відчуттів. Персонажами для помірнього сприйняття, що мають зацікавитись просуванням продукту є міщани, бізнесмени та службовці середньої ланки – середній клас. На такому рівні розмежування, наприклад, за гендерним принципом: *«Привіт, дами! Погляньте на свого хлопця і на мене, на нього, і знову на мене. Ми такі різні! Але з новим Old Spice наші шанси рівні! Подивіться вниз, потім вгору. Де ви? Ви на яхті з хлопцем, який пахне новим ароматом Old Spice. Що у ваших руках? У мене мушля з двома квітками на вашу улюблену штуку. Вау, квітки стали діамантами! Майже все можливо, коли ти пахнеш силою та мужністю Old Spice».*

Буденність «низького» стилю, тобто мінімум експресії, багатства стилістичних ресурсів не є характерним для агресивної та відкритої реклами, але прихована реклама активно його використовує. Як приклад, кулінарні рецепти від виробників продовольчих товарів із залученням саме їхньої продукції (рецепти від «Чумак», «Простоквашино», «Жменьки»).

Зважаємо на те, що в сучасному рекламному тексті немає чіткого розмежування експресивних стилів. Наприклад, для рекламних текстів, спрямованих на молодіжну аудиторію, характерне використання фразеології, жаргону, аргю, простих синтаксичних конструкцій, окличних інтонацій паралельно з повчанням середнього стилю та емоційною піднесеністю високого стилю. Це поєднання експресивної манери урочистого високого стилю та жаргонної лексики повсякдення є типовим для сучасної молодіжної реклами, наприклад, реклама «Snickers»: *«Ну, бий давай, забув як грати вааще? Навіть моя бабця звідти проб'є! Є на світі білому фанати, що не вмють чемно вболівати. Злі вони, бо їх дратує голод. Снікерс швидко голод відфудболить».*

2. Функціональний стиль

Теорія функціонального стилю активно розроблялася в лінгвістиці. Над сутністю поняття «функціональний стиль» розмірковували М. Бахтін, В. Виноградов, Ю. Лотман, М. Кожина та ін. Розвиток української лінгвостилістики сприяє удосконаленню поняття «функціональний стиль». У працях Л. Мацько, О. Сидоренко, О. Мацько, С. Єрмоленко це поняття осучаснене та конкретизоване, проведена мажа між функціональним та експресивним стилем: «Функціональний стиль – це різновид мови (тип мовомислення, мовної діяльності), що характеризується співвіднесеністю з певною сферою суспільно-виробничої діяльності мовців» (Мацько – Сидоренко – Мацько, 2003, с. 160). Домінантною ознакою є наявність певного набору мовних одиниць, що компетентно реалізують семантику відповідної сфери життя людини й суспільства.

Більшістю дослідників реклама віднесена до публіцистичного стилю (Д. Розенталь, М. Кохтєв, Р. Іванченко, Л. Мацько, О. Мацько, О. Сидоренко та ін.). Є думка, що сучасний рекламний текст вийшов за межі публіцистики. С. Кара-Мурза та Й. Стернін вважають, що змістове наповнення рекламного тексту вирізняє рекламу від публіцистики тематично та функціонально. Основним завданням реклами є не інформування, але вплив на нього з метою спонукання до прийняття потрібного автором реклами рішення. Темою для публіцистики є подія, а реклама висвітлює лише товари та послуги. На підставі цього дослідники виділяють рекламний стиль як окрему функціональну різновид мови. Варто зазначити, що інформативність залишається однією з головних функцій рекламного повідомлення, є філософською категорією, котра суттєво впливає на формування тексту реклами, більше того, реклама є інституціональною, зверненою до людини, а значить перебуває у межах публіцистичного стилю (підстиль – власне публіцистичний). Тематичне розмаїття сучасної реклами дає підстави стверджувати, що в колі її інтересів знаходяться не тільки товари та послуги, але й ідеї, події, спосіб життя та ін. Відповідно за жанрово-тематичною специфікою рекламний текст також можна зарахувати до публіцистики.

Використання мовномисленнєвого арсеналу інших функціональних стилів в рекламі виглядає як стилізація. Тенденція до імітування пов'язана із необхідністю встановлення контакту з аудиторією, створення ілюзії обізнаності, істинності та серйозності намірів. Імітується тип мислення, суспільна функція, формальна специфіка комунікату. Наприклад, реклама ПАТ «ЕтноПродукт»: *«Приватне акціонерне товариство «ЕтноПродукт» – українсько-швейцарське аграрне підприємство. Поля*

та ферми – північний схід Чернігівської області України. 4000 га органічної землі (пасовища, сіножаті, рілля). 2000 голів великої рогатої худоби. Виробничі процеси ПрАТ «Етнопродукт» сертифіковані відповідно до вимог регламентів Євросоюзу з органічного виробництва (Постанова ради ЄС № 834/2007 і постанова Комісії ЄС № 889/2008)». Маємо текст-стилізацію в офіційно-діловому стилі: вживання адміністративно-канцелярської термінології (постанова, регламент, сертифікат); специфічна термінологія (відповідно до вимог регламентів); відсутня емоційно-експресивна лексика. На рівні синтаксису використовуються безособові форми дієслів, односкладні речення, вжито іменний присудок. До стилізації в офіційно-діловому стилі спонукала потреба реалізувати основну його функцію – повідомлення громадськості офіційної інформації. Рекламою використовується імперативність цього стилю, має спрацювати обов'язковість до виконання.

Реклама охоче залучає імітації художнього стилю у сфері розваг, закладах харчування та легкій промисловості; арсенал наукового стилю є інструментом для медичної, косметичної промисловості, сфери послуг тощо. Імітація конфесійного та епістолярного стилю характерна для соціальної, політичної реклами, закладів сітьового маркетингу. Стилізація в рекламі може використовувати все багатство функціональних стилів української мови для досягнення провідної мети рекламної комунікації – керованим впливом на вибір споживача.

3. Стилізація в рекламі

Для рекламного тексту стилізація є скоріш засобом маніпуляції, конкретною технікою впливу, об'єднувальною ланкою із споживачем на рівні «свій-свій», хоча не можна не враховувати її роль як художнього засобу, оцінного елемента від естетики. Стилізація є стилістичним прийомом, при якому використовується художній метод, характерний для певної історичної епохи, галузі, соціального середовища арсенал художньо-стилістичних засобів, манери мовлення, лексико-семантичного наповнення тощо.

До стилізації вдаються в залежності від поставленого завдання, кінцевої мети рекламного повідомлення: перевести адресата-споживача-споживачку аудиторію на необхідний тип поведінки, тобто спонукати до необхідного вчинку (придбання, вибору, участі). Ця якість наближує рекламний дискурс до пропагандистського, агітаційного та навіювання, де адресат має приймати точку зору, а значить, і виконувати настанови,

служити потребам адресанта. Наприклад, реклама «Макдоналдс» в Росії виконана як стилізація в комуністичній футуристичній манері, притаманній В. Маяковському: *«Хочеш побороти холод? Хочеш побороти голод? Хочеш їсти? СПЕШИ в MacDonalds»* (Кафтанджиев, 2005, с. 308).

Рекламна комунікація, як відомо, належить до галузі інституціональної прикладної комунікації. Обов'язковими умовами для успішної реалізації рекламної комунікації є наявність рекламного повідомлення та учасників комунікації. Г. Почепцов (Почепцов, 2001, с. 39; Бацевич, 2004) згрупував фактори, що роблять можливими процеси рекламної комунікації. Такі фактори визначають потребу у використанні та безпосередньо характер стилізації, її форму та змістове наповнення. Це фактор цільової аудиторії (гендер та соціальний рівень, коло інтересів, інтелектуальних можливостей, рівень мовної компетенції тощо); фактор комунікатора (мета та завдання автора рекламного повідомлення); фактор каналу комунікації (технічні можливості та обмеження, від яких залежать стандарти рекламної комунікації). Ідейне наповнення рекламного тексту передбачає наявність компетентної аудиторії, яка в змозі оцінити зусилля творців стилізації, герменевтичне підґрунтя цього художньо-стилістичного прийому.

Коли йдеться про стилізацію, необхідно звернутися до художніх стилів (за термінологією Х. Кафтанджієва), або скоріше до художнього методу конструювання рекламного тексту. Критерієм прийнятності стилізації залишається рівень комунікативності висловлення для відповідного стилю, тобто передбачається сприятлива комунікативна ситуація. Наприклад, тексти афіш та плакатів, що представляють діячів тієї чи іншої епохи, культури та історичного часу. Наприклад, афіші та плакати, присвячені Т. Шевченку, його життю і творчості: *Шкільний музей «Шевченкова світлиця» – осередок громадянсько-патріотичного виховання школярів* (заголовок, липень, 2013 р.), *«Навчально-художньо-просвітницький кіносеріал. Тарас Шевченко. Заповіт. Дивіться на відео 9 серій для шкіл України»* (Оголошення на обкладинці журналу «Рідна школа», березень, 2003).

Сучасні вітчизняні та зарубіжні копірайтери для створення ефективного рекламного повідомлення вдаються до імітації, тобто формального використання арсеналу художніх методів. Х. Кафтанджієв називає найбільш популярні в сучасній рекламній творчості: реалізм, імпресіонізм, сецесіон, футуризм, поп-арт, сюрреалізм, гіперреалізм, абстракціонізм, наїв тощо.

Розглянемо дуже популярний в українській рекламі поп-арт. Він часто зустрічається в роботах як американських рекламистів (що працюють на

українському ринку), так і вітчизняних виробників рекламного продукту. Безперечно, цей стиль використовується в гібридній рекламі, де текст має бути гармонізованим із поп-арт зображенням. Образ, що є популярним у маскультурі або вводиться до неї, породжує відповідні тексти. В українському творчому об'єднанні часів майдану «Мистецький барбакан» бачимо плакати із текстами: *«Життя – це боротьба»* (зображення Нестора Махна); *«Син анархії»*, *«Кінець світу на районі»*. Інший бік стилізації поп-арту (жлоб-арт) – це вдавання до прийому цитування та подавана назва-коментар: *«Шевченко-олігарх: не завидуй багатому / Багатий не знає / Ні приязні, ні любові – / Він все те наймає»*.

Особливе місце в сучасній українській рекламі відводиться стилям наїв та лубок. Як художній стиль в нашій країні вони відомі та популярні, є навіть спеціальні терміни: «український наїв», «український лубок». Це простий за всіма параметрами текст, де панує вдавано первинне відчуття навколишнього світу. Такі тексти надзвичайно привабливі за своєю сентиментальною основою, відчуттям гармонії первинності, дитинства та природності. Цей стиль використовує в рекламі прийом макаронізації (із відповідною вимовою); наївні та прості вислови споживачів про товар (МММ і Льоня Голубков); велику кількість повторів назви рекламованого товару із «наївним» (макароністична вимова) звучанням, наприклад, реклама напою «Моджо». Наїв можна побачити також в комерційній періодиці (реклама ворожок та схвальні відгуки клієнтів), це реклама кондитерських і дитячих товарів, наприклад: *«Дитячий садок – світ радості для діток»*. Ось реклама печива Орео, де відбувається діалог маленької доньки з батьком: *«Я відклию тобі таємницю Орео. Не лови гав, бо це складно. Спочатку поклути, давай, стоп-стоп. Потім лисни. М-м-м. Можна без «м», але я не мозу втлиматись. Далі склади їх знову, булькни в молоко і із. Можна мені? Ні. Чому? Тому що ти се не готовий»*.

Усе, зазначене вище, спонукає до висновків: сучасна українська реклама визначається розмаїттям жанрово-стилістичної системи, мова реклами використовує багатий арсенал стилістичних ресурсів української мови, серед яких значне місце посідає стилізація як засіб маніпулювати свідомістю аудиторії, регулювати вибір споживача.

ЛІТЕРАТУРА

- БАЦЕВИЧ, Ф. С.: *Основи комунікативної лінгвістики*. Київ: ВЦ Академія, 2009, 376 с. ISBN 978-966-580-302-7.
- ГОЛОВЛЕВА, Е. Л.: *Основы рекламы: учебное пособие для вузов*. Москва: ЗАО Издательский Дом Главбух, 2003, 272 с. ISSN 0234-543-9-55.
- ИВАНОВА И. Б.: *Риторика: кредитно-модульный курс*. Москва: Дашков и К, Наука-Спектр, 2009, 232 с. ISBN 978-5-394-01767-4.
- КАФТАНДЖИЕВ, Х.: *Гармония в рекламной коммуникации*. Москва: Эксмо, 2005, 386 с. ISBN 5-699-09980-8.
- МАЦЬКО, Л. І. – СИДОРЕНКО, О. М. – МАЦЬКО, О. М.: *Стилістика сучасної української мови*. Київ: Вища школа, 2003, 462 с. ISBN 966-642-155-0.
- МАЦЬКО, Л. І. – МАЦЬКО, О. М.: *Риторика*. Київ: Вища школа, 2003. 311 с. ISBN 966-642-159-3.
- ПАВЛЮК, Л. С.: *Риторика, ідеологія, персуазивна комунікація*. Львів: ПАІС, 2007, 168 с. ISBN 978-966-7651-73-2.
- ПОЧЕПЦОВ, Г. Г.: *Теория коммуникации*. Москва: Рефл-бук, 2001, 656 с. ISBN 966-543-048-3.
- ПРИМАК, Т. О.: *Стилi в оформленнi рекламних звернень*. In: *Маркетинг і менеджмент інновацій*. Київ, 2011, 1, с. 45 – 54. ISSN 2218-4511.
- УЧЕНОВА, В. В.: *Реклама и массовая культура. Служанка или госпожа?* Москва: Юнити-Дана, 2008, 248 с. ISBN 978-5-238-01326-8.
- Эффективная коммуникация: история, теория, практика*. Москва: ООО Агенство КРПА Олимп, 2005, 960 с. ISBN 5-7390-1592-8.

БОГОРОДИЦА В КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ ЗАКАРПАТЬЯ

Светлана Вашичкова

Богородица как Заступница перед Богом и Помощница в делах почитается у всех христиан, однако культ её почитания в отдельных культурных традициях различается. Для закарпатского региона как такового в силу его географического положения и исторического развития характерно смешение латинской и византийской традиции. Этот регион находится на границе между славянским Востоком и Западом, пограничная территория двух миров – *Slavia Latina* и *Slavia Byzantina* – с точки зрения языка, культуры и литургической традиции неоднородна. Духовная культура карпатского региона, находившаяся под влиянием византийской обрядовой традиции, благодаря своему пограничному расположению вбирала в себя элементы обоих конгломератов, поэтому как самостоятельная культурная единица она отличается разнообразием элементов, сосуществующих в рамках одной традиции. Подобное совмещение и взаимное влияние культурно-религиозных и языковых контекстов в среде карпатского региона отражается на всех уровнях культурной жизни людей, в том числе на уровне языка и понятийного аппарата, в рамках которого мы и исследуем здесь особенности Священного Предания. Комплекс сведений о Богородице, который мы рассматриваем в настоящей статье, имел распространение не только в устной традиции закарпатских христиан восточного обряда, но отразился также в памятниках письменности указанного региона, благодаря чему мы имеем возможность в настоящее время составить представление о духовной культуре региона в целом и особенностях мариологического культа в частности.

Материал для этого небольшого исследования мы черпали из так называемых Углянских рукописей. Несмотря на общее название, это две совершенно разные по содержанию и практическому применению рукописные кириллические книги, созданные в Углянском монастыре на рубеже XVII – XVIII веков. Одна из них называется Углянский сборник Ключ и является сборником поучений, проповедей, притч, легенд, повестей из Деяний Римских, слов на различные праздники литургического года, выписок из древних философов и отрывков из средневековых книг вроде Лимонария, Бисера, Зерцала и подобных. Рукопись является компиляцией из различных источников, неоднородна по своему содержанию

и языковым особенностям: встречаются как произведения на чистом церковнославянском языке, так и повествования на народном языке со множеством диалектизмов и заимствований из окружающей мультиэтнической языковой среды. Вторая рукопись – Углянское учительное евангелие – является произведением литургического жанра, созданное в соответствии с канонами. Содержит проповеди на воскресенья и праздники литургического года, которые построены, как правило, одинаково: соответствующая событию церковнославянская евангельская перикопа дополняется толкованием и поучением на местном языке. В редких случаях евангельское зачало отсутствует. В обеих рукописях встречаются апокрифы, а также несколько уникальных сюжетов и мотивов, которые сохранились до нашего времени только в этих конкретных памятниках.

Известно, что уже начиная со II века в среде верующих возникает стойкий интерес ко всему, что так или иначе было связано с земной жизнью Христа. Народная фантазия расцвечивала скудные факты Его биографии чудесами и невероятными событиями, порой заимствованными из фольклора и устных преданий, а порой созданными благочестивыми редакторами-переписчиками, которые стремились сделать вероучение для верующих и новообращенных близким и понятным. Подобные рассказы отвечали на бытовые вопросы, волновавшие простых людей: какие муки уготованы грешникам в аду, что стало с Понтием Пилатом, как будут наказаны враги Иисуса и подобные. Ответы на такие вопросы верующие могли найти в многочисленных писаниях, которые отображали сведения, сегодня называемые «народным христианством». Несомненно, что эти писания расходились с традицией Священного Писания и святоотеческой литературы (Свенцицкая – Скогорев, 1999).

Ортодоксальная церковь не признавала неканонические писания основой вероучения, считая их апокрифическими. Однако с течением времени и установлением догматов понятие апокрифа как такового менялось. В древнехристианском мире апокрифическими считались произведения тайные, содержащие не всем доступную информацию, но не еретические. С того момента, как основой вероучения становится Священное Писание, традиция апокрифической литературы превращается в отреченную, подложную; отсюда начинается история апокрифа в современной понимании. «По мере того, как в церкви все строже и определеннее устанавливалось понятие об истинном священном писании, по мере того все строже и строже относились власти духовные к писаниям, выходившим из этого круга канонических книг» (Сперанский, 1895). Во время первых попыток установления канона создавались так называемые индексы, т. е. списки ложных книг, nereкомендованных или

даже запрещенных к чтению. Однако интерес к подобной литературе перевешивал наложенный на нее запрет, книги читали, пересказывали, переписывали и распространяли, в результате чего апокрифические произведения дошли до наших дней. Причина появления подобных памятников – тот нравственный, или психологический мотив, который руководил создателями подобных памятников. Личность Спасителя произвела огромное впечатление на народ; ходили рассказы Ему современные и позднейшие, а также правдивые и вымышленные (Сперанский, 1895).

В Священном Писании приводится крайне мало информации о матери Иисуса: рассказ о непорочном зачатии в евангелиях от Матфея и от Луки и информация о том, что все святое семейство ходило в Иерусалим на Пасху и жило в Назарете. Только Иоанн называет ее среди женщин, бывших у креста Господня в момент распятия. В Деяниях апостолов говорится, что Мария с учениками и братьями Иисуса молились после казни. Уже со II века начинают создаваться писания, посвященные Богородице, которые удовлетворяют потребность верующих узнать о ней как можно больше. Так, вторым веком датируется так называемое Протоевангелие Иакова, которое рассказывает о рождении, детстве, замужестве Марии и о рождении Иисуса. С развитием в народном сознании культа Богородицы стали появляться и распространяться неканонические повествования о чудесах, связанных с ее именем. Изначально апокрифические сказания о земной жизни и чудесах Девы Марии были так широко распространены, что некоторые из них вошли в Священное Предание и были включены в некоторые памятники письменности (Свенцицкая – Скогорев, 1999).

Так, в Углянском сборнике Ключ находится одно апокрифическое слово о рождестве Богородицы и её родителях, написанное на чистом церковнославянском языке. Кроме известных нам из Священного Предания фактов приводится, что Иоаким и Анна не имели детей, потому что «так ся чинила воля Божия». Священнослужители не одобряли бездетности этой пары и не принимали в церковь их даров, поэтому Иоаким отправился в молитвенное уединение в пустыню, где дал обет не есть и не пить долгих сорок дней «пока не услышит Бог его молитву», а Анна «плакала-ся удувства своего и безчадства своего» дома. В данном повествовании у архангела Гавриила есть предшественник в лице служанки, которая тщетно уговаривает свою госпожу не печалиться и покрыть голову платком. На молитву Анны откликнулся ангел и благовествовал ей «и семья твое прославится и велико будет по всей земли», а когда Анна дала обет отдать ребенка в церковь, архангел отправился в пустыню к Иоакиму.

Вернувшись домой, Иоаким принес в жертву двенадцать ягнят и двенадцать телиц. В своих шесть месяцев Мария сделала семь шагов к своей матери, а в три года была отдана в церковь. При церемонии священник Захария возложил на ее голову корону – венец благодати.

Данное повествование представляет собой сокращенное Прото-евангелие Иакова по списку Зографского монастыря П. А. Лавровым (Лавров, 1899, с. 52 – 63).

Углянское учительное евангелие содержит два повествования о Богородице, краткое на праздник Покрова и более обширное в рамках поучения к евангельской перикопе на Успение Пресвятой Богородицы о ризах Богородицы и о новом проявлении неверия Фомы.

Повествование на праздник Покрова Пресвятой Богородицы содержит лаконичное описание четырех чудес без какого-либо евангельского зачала, написанное по большей части на церковнославянском языке. Первое чудо, описанное здесь — спасение Константинополя от нашествия язычников, когда Господь за усердные молитвы, пост и добрые дела смилостивился над жителями и ниспослал в осажденный город небесное воинство и Пречистую, она покрыла «своими шатами» целый город и таким образом его спасла. Данное повествование согласуется с соответствующим отрывком из Жития Андрея Юродивого.

Второе чудо в некотором роде подобно первому. Тем же способом на русскую землю, на Киев напали татары. Жители молились и держали трехдневный пост и явилась Богородица и распростерла свои ризы над одной из церквей Киево-Печерского монастыря, чем отвратила дальнейшее нашествие татар и способствовала освобождению Киева и Руси.

Третье чудо описывает скомороха Гаина из греческого города Ливалип, который злословил над Богородицей и ее образом. Она дважды являлась ему во сне с предупреждением, но он не оставлял «лютрского своего блюзнерства», а на третью ночь от ее прикосновения «вшитки члнки его помрли», т. е. Гаин оказался полностью парализован, и только речь его осталась ясной для последующего раскаяния.

Четвертое чудо произошло во время правления царя Устьяна (Юстиниана). Тогда Богородица спасла ребенка, посаженного отцом в раскаленную печь за то, что он «съел в церкви дору», т. е. причастился святых таин. Невредимого ребенка вытащила из печи его мать и услышала от него о спасительнице: «невеста некая светлая пришедши и холоду ми додала, аки ми огонь невади».

В апокрифическом слове на Успение Пресвятой Богородицы греческого происхождения сочетаются продуманная религиозная символика и фантастические чудеса, заимствованные из сказочного фольклора.

После евангельской перикопы о Марии и Марфе вместо толкования приводится апокриф о «шатах»-ризах Богородицы, в котором между делом говорится и о продолжительности её жизни – 72 годах, по прошествии которых она была призвана на небо. За три дня до смерти к ней явился архангел Гавриил предупредить о приближающейся смерти, за что она его горячо благодарила. Явление архангела Гавриила в этой связи очень символично: тот, кто принес ей благую весть о рождении Иисуса, возвещает ей о новой жизни и новом рождении. Когда Богородица возлегла в гроб, сложила руки на груди по христианскому обычаю и благословила всех, прогремел сильный раскат грома. Как и другие чудеса, этот момент должен был впечатлить верующих, показать особую значимость Успения и Вознесения ее и по сути поставить Богородицу на один уровень с Богом.

При погребении Девы Марии присутствовали все апостолы, даже те, которые находились далеко от Святой земли или уже к тому моменту умерли, что также представляется важной идеей данного апокрифа: все ученики Христа удостоились проститься с Богородицей и увидеть ее уход из земной жизни, тем самым они стали участниками таинства Успения Богородицы и подтвердили древность и святость культа Божией матери. В тексте указаны различные места, в которых проповедовали апостолы и откуда их в Иерусалим перенесло облако – Индия, Египет, Сирия, Месопотамия, Кипр, Антиохия, Македония, Эфес, Александрия, Византия, Рим – это свидетельствует о том, что к моменту написания апокрифического слова на Успение Пресвятой Богородицы уже были известны основные апокрифические деяния апостолов.

В ходе похоронной процессии гроба Богородицы коснулся неверующий человек, который хотел таким образом оскорбить память усопшей, но «тут ему ангел божий невидимо руки оттял», и тогда он уверовал и взмолился к Господу и к Богородице и тотчас же исцелился.

Перед самой смертью Мария велела «свои две шаты отдать двом невестам убогим, и пояс». После смерти Марии эти реликвии долго хранились втайне ото всех, а когда установилось христианское царство, их принесли к царю Устьяну в Халкопратию, а при императоре Льве их возложили в серебряном ковчеге в новопостроенном монастыре в Лахернах. Первое чудо, которое произошло при помощи риз Богородицы – выздоровление жены императора Льва I, о нем также упоминает Димитрий Ростовский в своих Четьих-Минеях за 31 августа. Также следует отметить, что увиденные в рукописи перемещения риз и пояса Пресвятой Богородицы согласуются с преданием из византийского Менология Василия II конца X века.

Кроме греческой версии сказания о преставлении Марии дошли и латинские, главной отличительной чертой которых является повествование о новом проявлении неверия Фомы. Апостол Фома providением Божиим опоздал к погребению Богородицы, но видел по пути в Иерусалим телесное вознесение ее на небо и просил ее подать ему знак и благословить на вступление в чин апостола, и она благословила его из облака. Когда Фома очутился между учеников Христа, они решили его испытать, потому что хотели признать его еретиком и отречься от маловерного Фомы. Тогда Фома по наущению Святого Духа разломил хлеб на три части и просил у апостолов прощения и благословения, и они простили его и приняли в свой круг.

Мы видим, что в двух Углянских рукописях содержатся слова на богородичные праздники церковного года, в которых излагаются основные моменты жизни Девы Марии, закрашенные апокрифическими чертами. Конечно, нельзя делать однозначные выводы о функционировании культа Приснодевы в духовной культуре целого карпатского ареала только на основе двух рукописей, но в данных памятниках письменности нам представлен такой образчик, на основе которого можно составить определенное о нём представление.

ЛИТЕРАТУРА

- ЛАВРОВ, П.: *Апокрифические тексты*. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1899.
- СВЕНЦИЦКАЯ, И. – СКОГОРЕВ, А.: *Апокрифические сказания об Иисусе, Святом Семействе и Свидетелях Христовых*. Москва, 1999. Доступно в он-лайн библиотеке. Гумер: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/apokrif/Sven_index.php. [21.10. 2014].
- СПЕРАНСКИЙ, М.: *Славянские апокрифические евангелия*. In: Труды VIII археологического съезда в Москве. Москва, 1895.
- ŽEŇUCH, P.: *Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии. Pramene k byzantsko-slovanskej tradícii a kultúre na Slovensku*. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. Vol. IV. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV / Pontificio Istituto Orientale / Slovenský komitét slavistov / Centrum spirituality Východ-Západ Michala Lacka, 2013. 482 s. ISBN 978-88-7210-387-6 (talianské); ISBN 978-80-89489-10-7 (slovenské).

JAZYK A KULTÚRA Z KOGNITÍVNEHO ASPEKTU

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre v dňoch 12. – 13. septembra 2014 privítala hostí na medzinárodnej vedeckej konferencii s názvom *Jazyk a kultúra v kognitívnom aspekte*, na ktorej sa zúčastnili okrem domácich aj zahraniční odborníci z Poľska, Bieloruska, Ruska a Ukrajiny. Konferencia bola výstupom z grantového projektu VEGA č. 1/0376/12 *Kognitívne dominanty v jazyku a kultúre*. Venovala sa širokému okruhu otázok zameraných na vzájomné vzťahy medzi jazykom a vedomím, myslením i kultúrou, pričom sa zaoberala aj úlohou jazyka v procese ľudského poznávania. Témy príspevkov sa týkali problémov jazykovej kategorizácie skutočnosti a jazykového obrazu sveta; kognitívno-diskurzívnych vlastností jazykového znaku; lingvokulturologie; konceptosféry slovanských jazykov; priestoru a času v jazyku a kultúre. Interdisciplinárny charakter hlavnej témy predurčil vedeckú konferenciu na to, aby odznali referáty z viacerých vedných odborov, ktoré prezentovali výsledky výskumov danej problematiky z rôznych uhlov pohľadu.

Konferenciu slávnostne otvoril a na úvod všetkých účastníkov privítal prodekan Filozofickej fakulty UKF pre medzinárodné vzťahy PhDr. Ľuboš Török, PhD., ktorý zdôraznil aktuálnosť a stále rastúci význam kognitívnych výskumov v súčasnej vedeckej paradigme.

Ako prvý vystúpil poľský lingvista **Włodzimierz Wysoczański** z Vroclavskej univerzity. Vo svojom príspevku sa venoval rekonštrukcii a kategorizácii frazeologicko-paremiologického obrazu sveta (*Kategoryzacja rzeczywistości w rekonstrukcji frazeologiczno-paremiologicznego obrazu świata*). Predmetom jeho bádania bola otázka jazykovej kategorizácie – s dôrazom na segmentáciu skutočnosti vo vizuálnom svete – reflektovanej v oblasti frazeológie a paremiológie. Zameral sa na problematiku referenčného obrazu a všeobecného kategorizačného procesu, pričom zohľadnil koncept jazykovej reprezentácie sveta ako procesu súbežného s jazykovou kategorizáciou. Pozornosť sústredil aj na jazykovú rekonštrukciu verbálnych obrazov v paremiologickej mimojazykovej realite.

Nasledovala prednáška známeho bieloruského lingvistu **Borisa Normana**, ktorý analyzoval spôsob, akým lexikálne asociácie reflektujú jazykový obraz sveta: *Лексические ассоциации как составная часть языковой картины мира (на русском и белорусском материале)*. Použil výsledky asociatívnych experimentov na základe ruského a bieloruského materiálu. Za mimoriadne

zaujímavú považuje komparáciu asociatívnych noriem rôznych jazykov, pretože umožňuje porovnávať stereotypy myslenia a správania rôznych etník. Podľa B. Ju. Normana sa kultúrna skúsenosť národa odráža v štandardných, frekvencovaných, ale aj v raritných reakciách na vonkajšie stimuly.

Plenárne zasadnutie konferencie zavíšila vedúca Katedry rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre **Jana Sokolová**, ktorá prezentovala referát s názvom *Koncepty pochybností v slovenčine a ruštine*. Vychádzala z koncepcie jazyka ako kognitívnej reality, uplatnila aspekt jazykového obrazu sveta a koncepciu konceptuálneho poľa, ktoré je štruktúrované, dynamické, lokálne situované má dostatočne široké východiská na zdôvodnenie základných pojmov svojej konceptuálnej štruktúry a z hľadiska svojej podstaty je interpretovateľné. Východiskom bola konceptuálna mapa „pochybností“ a cieľom bolo mapovanie „zdieľania pochybností“. Ukázalo sa, že pochybnosti sú indikované lexikálne, gramaticky, intonačne. Pochybovanie sa spája buď so zvažovaním eventualít, alebo vyjadruje rôznu mieru istoty. Pochybnosti sú v slovenčine posudzované ako mentálne vlastníctvo, ktoré možno mať a možno ho aj stratiť; pochybnosti sú verbalizované z aspektu konštatovania, posilnenia, oslabenia, vzniku, pretrvávania, ukončenia pochybností a pod.

Počas dopoludňajšieho rokovania dostali priestor najmä zahraniční hostia. Súčasný stav a výskumy poľskej jazykovedy boli prezentované vo výstupoch reprezentantiek z Univerzity Márie Curie-Skłodowskej v Lubline. Poľská lingvistka **Joanna Szadura** sa venovala problematike koncepcie časových zón v hudobnej antropológii Ludwika Bielawského, realizovanej vo výskumoch jazykového obrazu sveta (*Strefowa koncepcja czasu w badaniach nad językowym obrazem świata*). Zdôraznila, že etnolingvistický výskum rekonštrukcie jazykového obrazu sveta je antropologicky a kultúrne orientovaný, pričom hlavnou intenciou je snaha zrekonštruovať kultúrnu identitu. Autorka pri výskumoch zohľadnila Bielawského základné princípy s prihliadnutím na zásady lublinskej etnolingvistickej školy a aplikovala dané teórie na výskum času z jazykového hľadiska, berúc do úvahy vnútornú perspektívu zakorenenú v konkrétnom jazyku a kultúre. **Marta Wójcicka** sa zaoberala otázkou kolektívnej pamäti, ktorá je základom medziľudskej komunikácie, a jej vplyvu na sociálnu komunikáciu v spoločnosti (*Pamięć zbiorowa a komunikacja społeczna*). Predmetom referátu bola analýza vzťahu kolektívnej pamäti a jazykovej komunikácie, pričom autorka sa podrobnejšie zamerala na kultúrnu a kolektívnu pamäť v komparácii s interpersonálnou, skupinovou a masovou (mediálnou) komunikáciou. Príspevok sa skladal z troch častí, v ktorých sa striedala tematika kolektívnej pamäti z kognitívnej perspektívy,

typológia kolektívnej pamäti a problematika pamäťových typov na úrovni komunikácie.

Predstaviiteľka Slavistického ústavu Poľskej akadémie vied **Ewa Masłowska** vo svojej práci z etnolingvistikého hľadiska analyzovala názvy astronomických telies zachytených v ľudostných scénach, ktoré sú reflektované v ľudovej kultúre, pričom sústredila pozornosť najmä na koncepty slnka, hviezd a mesiaca, zozbierané na základe materiálu poľskej ľudovej kultúry *Niebo, słońce, gwiazdy i księżyc w kognitywnych scenach zaklęć i przysiąg miłosnych (na materiale polskiej kultury ludowej). Kosmiczne tło kognitywnych scen miłosnych (w języku i polskiej kulturze ludowej)*. Vystúpenie bolo venované procesu tvorby ľudostných scén. Analýza je založená na klišéovitých motívoch z ľudových piesní a svadobných obradov. Napriek skutočnosti, že nebo, planéty a hviezdy nehrajú hlavnú úlohu v ľudostných scénach, ich postavenie v určitej fáze má zásadný význam pre konceptualizáciu a ponímanie celej scenérie skúmanej z kognitívneho aspektu.

Dorota Pazio-Włazłowska, taktiež zo Slavistického ústavu Poľskej akadémie vied, priblížila obraz domova reflektovaný v listoch vojakov z frontov 2. svetovej vojny z kognitívneho hľadiska (*Образ ДОМА в письмах с фронта Великой Отечественной войны – попытка когнитивного описания*). Výskum bol založený na listoch publikovaných v *Я пока жив... Фронтовые письма 1941 – 1945 гг*), zozbieraných a editovaných M. J. Gusevom. Pojem „domov“ sa v listoch chápe ako mentálny konštrukt, stáva sa predmetom snov, objektom túžob, vytvára ideu predvojnového strateného raja, posvätného obrazu, pretože existuje ďaleko od vojnového priestoru. Dominujú sociálne hodnoty, koncept „domov“ reprezentuje ľudí, ktorí sú blízki autorovi listu a ku ktorým sa chce po vojne vrátiť.

Príspevkom o lexikálnych exponentoch kvantitatívnej štrukturácie, ktoré sa objavujú v súčasnej poľštine, sa prezentovala **Marta Nowosad-Bakalarczyk** z Lublinu (*Leksykalne wykładniki ilościowego ujmowania świata we współczesnej polszczyźnie*). Bádanie bolo zamerané na rekonštrukciu časti jazykového obrazu sveta z kvantitatívneho hľadiska. Zdrojové údaje výskumu pochádzajú z dvoch štylisticky odlišných aktuálnych textov: významného románu popredného moderného autora, v ktorom je hovorová poľština mimoriadne kvalitne spracovaná, a inštitucionalizovaného administratívneho dokumentu, pričom oba texty majú porovnateľnú dĺžku. Autorka dospela k záveru, že výklad objektov z hľadiska kvantifikácie (početnosti) úzko súvisí s juxtapozíciou singularity a mnohosti.

Sliezska univerzitu v Katoviciach reprezentoval **Andrzej Charciarek** s referátom venovaným aktuálnej korpusovej problematike *Korpus w słowniku, słownik w korpusie*, pričom vychádzal z Poľského a Slovenského národného

korpusu. Hovoril o úlohe, ktorú by korpusová lingvistika i národný korpus mohli spĺňať, a to najmä v procese vytvárania prekladových slovníkov. Korpusy umožňujú pozorovanie jazykového systému „v akcii“, ilustráciu jeho fungovania, rozširovania možností jazykových jednotiek a monitorovania prebiehajúcich zmien. Poskytujú konkrétne informácie o význame a funkcii jednotlivých slov a fráz, ako aj štatistické údaje o súčasnom jazyku, ktoré hrajú dôležitú úlohu pri vytváraní prekladových slovníkov. Okrem veľkého množstva jazykového materiálu korpus poskytuje i situačný kontext na používanie špecifických fráz. S pomocou údajov uvedených v korpuse je možné určiť i overiť pohľady na konkrétne jazykové javy, preto je veľkou oporou aj pri kognitívne orientovaných výskumoch.

Na popoludňajšom rokovaní sa so svojimi príspevkami predstavili prevažne domáci odborníci. Katedru slovenského jazyka Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre zastupovala **Zuzana Kováčová** s príspevkom *Konceptuálna metafora a jej efektívnosť v evolúcii slova*. Analytické výskumy a príklady zo štúdie dokazujú, že mechanizmus vzniku nepriamych pomenovaní bol funkčný v jazyku ešte v staroveku a je funkčný vo všetkých jazykoch aj v súčasnosti, pretože vychádza z povahy ľudského myslenia a je prítomný vo všetkých sférach jazyka. Pri bádani vychádzala z Alefirenkovej lingvokognitívnej teórie metaforickej synergetiky živého slova, podľa ktorej v základe metafory leží metaforické myslenie iniciované aktivizovaním celých konceptuálnych štruktúr. Sú navzájom prepojené a disponujú všeobecnými kognitívnymi schopnosťami asociatívno-obrazne sa osvojovať a premieňať na poznatky.

Program obohatil etnologicko-kulturologický príspevok kolegov z Katedry manažmentu kultúry a turizmu FF UKF **Jaroslava Čukana** a **Borisa Michalíka**, ktorí vystúpili s koreferátom od štyroch autorov *Jazykové modifikácie v priestore a čase*. Predstavili konkrétne príklady adaptácie človeka na meniace sa prírodné, ekonomické a spoločenské podmienky v tradičných etnokultúrach a v globalizovanom svete. Upozornili na osobité a meniace sa vzťahy kultúry a jazyka vo viacerých sférach spoločenskej praxe, pričom sa orientovali predovšetkým na kultúrne dedičstvo, kultúru v prostredí etnických minorít, turizmus a regionálny rozvoj. Poukázali na spätosť ekonomických, kultúrnych a jazykových procesov v čase a priestore.

Prešovská lingvokulturoológia bola zastúpená **Jozefom Sipkom**, ktorý uviedol príklady jazykového obrazu sveta reflektované v aktuálnom politickom dianí na Ukrajine. V príspevku *Fragmenty jazykového obrazu Námestia nezávislosti (Majdan)* sa sústredil na lingvokultúrnu analýzu jazykových jednotiek úzko prepojených s aktuálnymi udalosťami. Zameral sa prioritne na jazykové jednotky spojené s centrálnou lexémou daných udalostí, ktorou

je „Majdan“. Prezentoval etymologické korene tohto slova, jeho pôvodný význam a kontextuálne zmeny, ktoré boli vytvorené rusko-ukrajinským konfliktom, ale aj celý rad súvisiacich analyzovaných jazykových jednotiek nesúcich ako hlavný význam etnickú fóbiu.

Ďalší zástupca Prešovskej univerzity **Ľubomír Guzi** sa zaoberal poznaním ako spôsobom existencie historických vedomostí v jazyku, pričom svoje bádania realizoval na materiálovej báze z rusky hovoriaceho prostredia. Počas výskumov sa snažil nájsť základ pre opis historického poznania a vedomia v typickom národnom milieue, zohľadňujúc kognitívny aspekt konkrétnych jazykových prostriedkov. Výsledky svojich bádání predniesol v referáte *Kognícia ako spôsob existencie historických vedomostí v jazyku*. Venoval sa fenoménu poznania ako základu pre existujúce historické vedomosti a skúmal možnosť prepojenia metahistorickej teórie Haydena Whita s kognitívnou jazykovou základňou.

Domáce univerzity boli zastúpené aj účastníkmi z Katolíckej univerzity v Ružomberku, ktorú reprezentovala **Viktoria Liashuk** s príspevkom venovaným diachrónií a synchronií v moderných filozofických štúdiách *Диахрония и синхрония в современных филологических исследованиях*. Do analýzy zahrnila práce z oblasti lingvistickej aj literárnej vedy, čiastočne prihliadajúc na filozofické interpretácie danej problematiky. Synchroniu a diachróniu posudzovala ako aspekty skúmania zákonov a trendov vo vývoji objektívnych antinómii. Univerzitu Mateja Bela v Banskej Bystrici zastupoval **Július Lomencič** z Filozofickej fakulty UMB, ktorý vystúpil s témou *Kultúrny priestor regiónu v kontexte edukácie*. Dával do pozornosti dva vzájomne sa ovplyvňujúce procesy, rastúcu globalizáciu a kultúrnu regionalizáciu, pričom poukazyval na ich symbiózu. Domnieval sa, že pri poznávaní kultúrnych hodnôt majú dôležitú úlohu kritériá uplatňované pri výbere, ktoré vzhľadom na väčší celok môžu zatlačiť do úzadia kultúrnej hodnoty v časti daného celku. Podľa jeho názoru sa kultúrny priestor môže stať dynamickým a praktickým edukačným projektom, a to najmä pri sprostredkovaní národných a jazykových hodnôt jednotlivých kultúr.

Program medzinárodnej vedeckej konferencie uzavreli pracovníci Katedry rusistiky FF UKF. **Olga Gerashchenko** sa venovala pojmu času v barokových kronikách Hryhorija Hrabianku v príspevku *«Події давно минулих днів»: час у бароковому літописі Григорія Граб'янки*. Hrabianka využíval niekoľko foriem na vyjadrenie minulého času: aorist, imperfekt, úplný perfekt a tzv. I-formu. Vo svojom diele vytvoril jazyk blízky „slavenoruskému“ (slovansko-ruskému), v ktorom používal „mŕtve“ slovesné tvary aorist a imperfekt na opis hrdinských bojových scén. Ako posledný odznel príspevok **Natálie Korinovej** venovaný priestoru a priestranstvu v príbuzných jazykoch:

Пространство и простор в родственных языках. Zdôraznila, že priestorová orientácia je jednou zo základných dimenzií ľudskej existencie, preto prirodzene nachádza svoj odraz aj v jazykovom obraze sveta. Ako ukazuje komparatívny výskum slovanských jazykov rôznych skupín, v jazykovom obraze sveta sa priestor kategorizuje veľmi individuálne, čo sa prejavuje v rozlišovaní pojmov priestor a priestranstvo aj charakteristík daných pojmov v každom jazyku. V porovnaní s ostatnými slovanskými jazykmi sa ruština výrazne odlišuje estetickou funkciou priestoru, ktorá patrí medzi typické znaky ruskej národnej povahy.

Celá medzinárodná vedecká konferencia sa niesla v interdisciplinárnom a multikultúrnom duchu, informačnú hodnotu príspevkov podporili aktívne a plodné diskusné vstupy. Rovnaká atmosféra panovala aj počas neoficiálnej časti. Na slávnostnej recepcii hral jazzový orchester Big Band Swingless Jazz Ensemble.

Zuzana Vargová – Olga Iermachkova

POSPÍŠIL, I.: *Literární věda a teritoriální studia*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, Fakulta stredo európskych štúdií, 2013. 240 s. ISBN 978-80-558-0558-0.

Příkladná ukážka teorie areálu v literární vědě

Publikace Iva Pospíšila *Literární věda a teritoriální studia* představuje brilantní ukážku moderního literárně-teoretického uvažování, které od etnicko-jazykových faktorů důsledně přihlíží ke geograficko-administrativním fenoménům. Tyto metodologické posuny souvisí i s novým chápáním filologie, k níž se tradičně přičleňovala literární věda. Ta je dnes se svými disciplínami a oborovými metodami spíše zařazována ke kulturologii a tzv. areálovým studiím. Pospíšil patří v česko-slovenském vědeckém kontextu k průkopníkům areálových metod v literární vědě, již v průběhu 90. let takto reorganizoval na Filozofické fakultě Masarykově univerzitě v Brně slavistické disciplíny, které byly tradičně

pojímány filologicky, např. takto koncipoval slovackistiku jako komparativní, konfrontační a interdisciplinární obor s filologickým jádrem, jehož tematickým základem se stávají česko-slovenské kulturní a literární vztahy na stredo evropském pozadí. Tento postoj systematicky prosazoval i v době, kdy převládali zastánci jagičovského pojetí slavistiky, kteří tvrdili, že jde o negaci hodnot, o nebezpečnou generalizaci či „amerikanizaci“ starého kritického jazykozpytu a literární historie a že se tento metodologický přístup nemůže v stredo evropském prostředí prosadit. V současnosti je však zřejmý na prestižních světových pracovištích areálový (prostorový, zonální) aspekt, tendující ke spojování dílčích filologií a s tím souvisí i snaha hledat širší kontextové vazby s přesahem ke kulturním a sociálním vědám, z nichž

však nelze filologii vyloučit, ale ani ji absolutizovat jako dominantní a syntetizující disciplínu.

Publikace je kompozičně rozčleněna do čtyř základních kapitol (*Literatura a literární věda, Rozšiřování půdorysu bádání o literatuře – teritoriální, prostorové/spaciální, areálové přístupy, Teritoriální/areálová/spaciální studia: vývoja a typologie a Smysl teritoriálního přístupu ve studiu literatury: několik příkladů*), z nichž první tři mají teoreticko-metodologický charakter. Poslední kapitola literárněhistorického zaměření, která zabírá zhruba polovinu textu, funkčně aplikuje předchozí teoretické postuláty. Pospíšil ke zvolené problematice přistupuje velmi obezřetně – možno říci – až se zdravým konzervativismem: nejde mu o násilnou konstrukci nových teorémů, ale spíše o začleňující integraci těchto impulsů do tradičních metodologií, které se v minulosti osvědčily. Jestliže v úvodní kapitole vysvětluje na historickém pozadí základní pojmy jako např. literatura a slovesnost a načrtává stručný přehled jednotlivých metod a škol (zde mám poznámku – český /pražský/ strukturalismus – používal bych spíše korektnější označení pražsko-brněnský strukturalismus), v následující části Pospíšil konkretizuje s odkazem na své předchozí práce kategorii chronotopu v literárním textu a jako klíčový problém staví komplementaritu vnějšího a vnitřního prostoru v literárním artefaktu, jednak souvislost času a prostoru v poetické díla.

Za zásadní metodologickou kapitolu lze považovat třetí část zabývající se podstatou, typologií, vývojem a fungováním teritoriálních (areálových) studií: je zde detailně – a podle mého názoru velmi přesvědčivě – postižena terminologická a sémantická souvztažnost, ale i odlišnost pojmů, jako jsou teritoriální a areálová studia (area studies). Upřednostnění teritoriálních studií souvisí podle Pospíšila s výraznějším spojením s významem „země“, území, tedy s užším vztahem k objektivnějším, geografickým faktorům, zatímco anglické slovo area konotuje spíše trsy pojmů jako plocha, oblast, výměra, prostranství, městská čtvrť, tedy proměnlivější prostor determinovaný konkrétními, kulturně-historickými reáliemi. Třeba zdůraznit, že Pospíšil při vytyčování tematických okruhů má originální prvenství (area studies a sociální vědy, area studies a fikční světy, areál a vizualizace, areál a teorie literárních dějin, dialog kultur, kulturologie). Ponechávám autorovi na zvážení, zda by se sem neměla zařadit i tzv. teorie meziliterárních celků jako např. teorie světové literatury (jak známo, samotná světová literatura jako jistý ideální aspekt má spíše synchronní horizonty než diachronní linii). Na druhou stranu třeba ocenit, že Pospíšil velmi vhodně do teritoriálních studií začleňuje genologii či komparatistiku (a to i při reflexích o teorii literárních dějin), jak to demonstrativně ukazuje na rozboru monumentální

několikasvazkové publikace editorů J. Neubauera a M. Cornise-Popea *History of the Literary Cultures of East Central Europe: Junctures and Disjunctures in the 19th and 20th Centuries. I – IV* (John Benjamins, Amsterdam and Philadelphia, 2004 – 2010). Já sám jsem tento přístup označil za metodu historicko-geografického modelování (viz M. Zelenka: *Komparatistika v kulturních souvislostech*, České Budějovice: nakladatelství V. Johanus, 2012), často se v této souvislosti mluví o tzv. ingresivní literární historii (J. Neubauer), která formou výběrových synchronních „řezů“ do časoprostorového řetězce dějinných událostí projektuje „jiný“ příběh literárních dějin. O tento teoretický přístup se např. v českém kontextu pokusil, ale bez hlubšího teoretického zázemí českobudějovický V. Papoušek s kolektivem při rekonstrukci české literární moderny (*Dějiny nové moderny. Česká literatura v letech 1905 – 1923*, Praha: Academia, 2010). Naopak H. Voisine-Jechova ve svých původně francouzsky psaných *Dějínách české literatury* (český překlad 2005) demonstrovala za podmínky znalosti heuristického materiálu přednosti typologicko-prostorového pohledu „zevně“, avšak narazila na ostrou negativní reakci domácích bohemistů, kterým vadilo kontextové (prostorové) vnímání literárních fenoménů. Třeba zdůraznit, že to byl právě I. Pospíšil, který tento přístup Jechové citlivě rehabilitoval a ukázal na jeho

nesporné přednosti. Pospíšil správně připomíná i impulsy D. Ďurišina a jeho týmu (k němuž se oprávněně hlásí), S. Wollmana, jehož monografii *Slovanské literatury ve střední Evropě* (2013) uvádí v seznamu odborné literatury. Lze tu souhlasit s badatelským názorem, že kardinálním problémem areálových studií ve vztahu k interdisciplinárnímu okolí zůstává tzv. interpoeticita: jak propojit „vnější“ a „vnitřní“ zkoumání textových a sémantických vrstev uměleckého artefaktu.

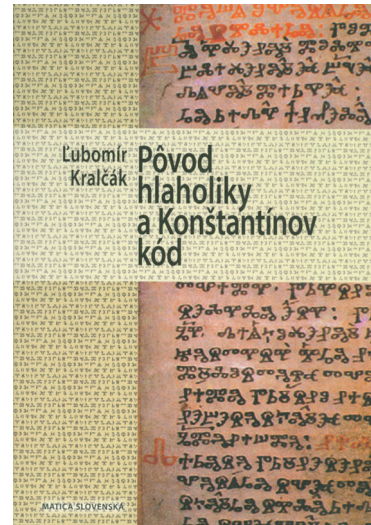
V poslední „aplikační“ kapitole jsou autoři (F. Kautman, J. Zogata, D. Vetter, J. Hnitka, A. Měšťan ad.) velmi dobře zvoleni. Zaujala mne zde především interpretace *Paralelních příběhů* P. Nádase, který bývá emblematicky vnímán jako symbol „maďarské“ střední Evropy a který podle Pospíšila představuje typickou ukádku umělého rozlišování mezi západní a východní Evropou. Podle badatele právě spisovatelovy axiologické a estetické konstrukce demytizují stře-doevropský prostor a zároveň výstižně charakterizují jeho specifčnost: tragický osud rozpolceného intelektuála, který svým individuálním osudem ztělesňuje existenciální peripetie moderních světových dějin 20. století. Možná zde v seznamu literatury neměl být opomenut sborník *Priestory vnímania. O tvorbe Pétera Nádas* (ed. J. Görözdí, Bratislava: Kalligram; Ústav svetovej literatury, 2011), který se prostřednictvím prostorového fenoménu, spojeného

aspektem interpretace a recepce, soustřeďuje na formování identity člověka v konkrétním, geopolitickém areálu.

Práci považuji za originální a výjimečnou v soudobém česko-slovenském literárněvědném kontextu pro svůj srovnávací a interdisciplinární charakter: autor citlivě diagnostikuje hlavní problémy současné literární vědy, které demonstruje na slavistickém materiálu. Monografie však přináší inspiraci nejen pro rusisty a slavisty, ale i neslovanské filology uvažující o směřování moderní literární vědy.

Miloš Zelenka

KRALČÁK, Ľ.: *Pôvod hlaholiky a Konštantínov kód*. Martin: Matica slovenská, 2014. 207 s. ISBN 978-80-8128-099-3.

Monografia Ľubomíra Kralčáka, ktorá vyšla vo vydavateľstve Matice slovenskej, je završením autorovho viacročného bádateľského úsilia v oblasti staroslovienskeho písma. Myšlienkové zárodoky svojho originálneho výskumu pred časom publikoval vo viacerých článkoch a štúdiách (v ucelenejšej podobe najmä v štúdiu *Pôvod hlaholiky alebo ako čítať Konštantínov kód*. In: *Tradícia a prítomnosť misijného dieľa sv. Cyrila a Metoda*; Nitra, 2013.) Zároveň je táto práca historickým počinom, pretože ide o prvú odbornú publikáciu slovenskej paleoslavistiky zameranú špecificky na problematiku hlaholského písma. Ľ. Kralčák predkladá novú teóriu o vzniku hlaholského písma, ktorá je pevne zakotvená v názorovom podloží predošlých takmer dvoch storočí bádania v oblasti

paleoslavistiky, no nechýba jej ani tvorivý nápad a invenčné uchoopenie problematiky.

Autor vychádza z písomných historických svedectiev o existencii slovanského písma, najmä z traktátu mnícha Chrabra. Najprv postupne predstavuje paletu názorov o existencii protohlaholiky či protocyriliky, pričom neutráca zo zreteľa mieru prijatia týchto názorov a ich skutočnú argumentačnú silu. Oblúkom sa vracia k najvýznamnejšej vete z Chrabrovej apológie a uzatvára rozbor tejto etapy úvah konštatovaním, že už pred Konštantínom Slovania používali grécke alebo latinské písmená, ale spôsob ich použitia neprekročil príležitostnú, nesústavnú a neustálenú metódu sporadickej aplikácie súboru znakov.

Ďalej sa zaoberá historickou zmienkou o tzv. chersonských knihách, kde načrtáva typologickú klasifikáciu názorov na charakter „ruských“ písmen nájdených Konštantínom pri tejto misii. V závere sa prikláňa k názorom, vysvetľujúcim tento zápis ako prešmyčku *surbský* na *rusbský*. Ako hlavný argument uvádza paralelu v srbskom vydaní Chrabrovej apológie, kde sa nachádza prešmyčka *sirski* – *roušški*.

V ďalšej kapitole autor systematicky predstavuje vývoj názorov na pôvodnosť (prvotnosť) hlaholiky či cyriliky, ktorý uzatvára tézou o primáte hlaholiky, potvrdenou aj novodobými výskumami, a na túto tézu potom v ďalších úvahách nadväzuje. Ako fundamentálne cituje Šafárikove dodnes neprekonané argumenty doplnené Vajsom, ale reflektuje i názory T. A. Ivanovovej z roku 2004.

Po tejto dôslednej argumentácii v prospech prvotnosti hlaholiky autor predstavuje fundamentálne teórie o pôvode tohto písma. Významné miesto tu má teória V. Jagiča a na ňu nadväzujúce výskumy Taylora. Tie však Ľ. Kralčák, ako aj mnohí iní pred ním, označujú ako maximalistické v tom zmysle, že sa pokúšajú vysvetliť čo najväčší počet hlaholských grafém z jedného zdroja (v tomto prípade ide o grécku kurzívu), pričom nie vždy majú argumenty dostatočnú výpovednú hodnotu. Pri teóriách

vychádzajúcich z gréckej kurzívy Ľ. Kralčák venuje pozornosť aj ďalším autorom, ako Miller (úvahy o Avestskom písme ako zdroji), Beľajev (príklon k inému typu kurzívy ako Taylor) a Leskien, nakoniec nezabúda ani na dnes už okrajové teórie (Geitler, Gaster, Abicht).

Pri komplexnom pohľade na problematiku je nutné venovať pozornosť aj tzv. zmiešaným teóriám, ktoré presadzujú grécko-orientálny pôvod hlaholiky, a to najmä pri pohľade na jazykové vzdelanie Konštantína. Preto autor monografie postupne analyzuje teórie: Nahtigala, ďalej Vondráka (samaritské písmo), Vajsa a Fortunatova (koptské písmo ako možné východisko) a taktiež novšie teórie Trubeckého, Seliščeva a Autyho.

Nájdeme tu aj zhrnutie hlavných myšlienok u nás pomerne málo známych teórií Ilčeva a Ilevského, pri ktorých sa prejavuje aj vplyv endogénnych teórií.

V rámci autorovej syntézy treba vyzdvihnúť dôležitý postreh (s. 55 – 56), že i keď Vajs, ktorý vystupuje ako autor vedecky najrešpektovanejšej výkladovej koncepcie, prisudzuje grécky pôvod len štrnástim z tridsiatich ôsmich písmen, vo vedeckej obci sa ustálil veľmi zjednodušený a teda nesprávny encyklopedický poznatok, že hlaholské písmo je štylizovaná grécka minuskula.

Prínosom sú aj úvahy o možnom gréckom vzore, kde Kralčák

polemizuje s názorom, že grécka kurzíva bola len písmom administratívny, čo dokazuje príkladmi kódexov z 9. storočia. Autor si všimol zjednocujúcu tvarovú črtu hlaholiky, ktorou sú krúžkovité prvky, no najmä je dôležité zistenie, že tento zjednocujúci prvok bol prítomný aj v gréckom minuskulnom písme (dobré viditeľný najmä v Kódexe Porfyria Uspenského z r. 835). Pri vytváraní optického dojmu sa teda autor písma s veľkou pravdepodobnosťou inšpiroval gréckou minuskulou.

Ďalšou fázou v úvahách o pôvode hlaholiky sú teórie vysvetľujúce vznik hlaholiky zo sústavy symbolov či ideogramov (druhá polovica dvadsiateho storočia). Zaujímavá je aj teória Je. E. Granstremovej. Ako píše Ľ. Kralčák, otvorila cestu teóriám, ktoré sa odpútali od akejkolvek závislosti na iných alfabetských sústavách, avšak svoje vysvetlenia pôvodu znakov neusúvzťažnila s ich zvukovou hodnotou.

I keď pri týchto teóriách je často prítomná značná dávka subjektivismu, autor sa nimi zaoberá s plnou vážnosťou a zvažuje ako prijateľné tie idey, ktoré môžu posunúť bádanie vpred.

V ďalšej kapitole sa Ľ. Kralčák zaoberá rekonštrukciou pôvodného inventára hlaholských grafém, ktorú uzatvára konštatovaním, že hlaholika nebola zostavená ako inventár hlások, ale aj (resp. primárne) ako sústava hlások. Za problematické

tak považuje najmä zaradenie tých písmen, pri ktorých je neistá samotná prítomnosť hlások, ktoré by mali byť nimi zastupované. Nakoniec dospel k inventáru tridsiatich ôsmich grafém, čo súhlasí s vyššie uvedeným svedectvom z Chrabrovej apológie.

Jadro práce tvorí kapitola venovaná výkladu pôvodu hlaholiky.

Nosnou ideou Kralčákovho prístupu je pohľad na Konštantína Filozofa ako na všestranne vzdelaného človeka, ktorý pri zostavovaní slovanského písma postupoval koncepčne podľa určitého jasne stanoveného postupu. Zásadným zvratom oproti predošlým teóriám o vzniku hlaholiky je to, že autor berie do úvahy nielen filologické vzdelanie zostavovateľa tohto písma, ale aj jeho vzdelanie v oblasti starovekej estetiky, ale najmä geometrie. Konkrétne Euklidova geometria, predstavujúca nosné učenie o konštrukčných princípoch v stredoveku, poskytla autorovi knihy kľúč k mysleniu geniálneho tvorcu prvého písma Slovanov. I keď sa v minulosti mnohokrát konštatovalo, že súčasťou mnohých hlaholských litier sú geometrické tvary, najmä kruh a trojuholník, doteraz neprišiel nikto s takou geniálne jednoduchou myšlienkou, ktorá vychádza z elementárneho dizajnerskeho postupu doplneného o duchovný rozmer a vieru stredovekého človeka v nemožnosť náhody. Ľ. Kralčák ako jazykovedec

a zároveň výtvarník sa takpovediac vžil do praktického myslenia tvorcu a prináša pozoruhodné riešenie, v ktorom nachádza taký sled logických súvislostí, že sotva môže ísť o náhodu.

Prvým východiskom je existencia priamej zmienky o tom, že Konštantín Filozof študoval geometriu. Ďalej, zásadným posunom oproti starším teóriám je téza, že pri paleografickej analýze sa treba opierať o tvary písmen zachované v najstarších rukopisoch (čo do dnes vôbec nebolo samozrejmosťou), takže autor vychádza z grafiky Kyjevských listov, ktorých starobylosť je podložená celým spektrom dôkazov. Pri pohľade na písmo tejto pamiatky sa ešte markantnejšie javí prítomnosť elementárnych geometrických tvarov v základe viacerých písmen (napr. i, s, ě, m, l). Posunom, ba až zásadným obratom v nazeraní na tvorivý proces je myšlienka o možnom „kombinovanom“ postupe tvorcu abecedy, t. j. že niektoré písmená mohli vzniknúť aj „in natura“, čiže priamo v texte v začiatkoch koncipovania prvých častí prekladu Biblie. Autorovej pozornosti neušlo, že podľa legendy prvým textom, ktorý Konštantín prekladal, a teda aj zapisoval, bol začiatok Jánovho evanjelia: *Na začiatku bolo slovo*, teda v origináli: *Iskoni bě slovo*. A práve prvé dve písmená tohto textu sú zostavené použitím základných geometrických

tvarov, takmer totožné, odlišné len otočením znaku o 180 stupňov. Túto skutočnosť si už všimli viacerí autori, avšak Kralčák, vychádzajúc z presnej podoby týchto písmen v Kyjevských listoch, nachádza konštrukčný systém tejto grafémy medzi vetami Euklidových *Základov geometrie*. A navyše táto veta má u Euklida označenie 17 (v gréckom texte označené písmenami ιζ'), čo zvukovo po neutralizácii znelosti korešponduje s uvedenou dvojicou písmen [is]. Táto súvislosť nie je náhodná, ale ide o cielený postup, ktorý Ľ. Kralčák dokazuje na ďalších šiestich znakoch Konštantínovej abecedy. K nim sa pripája ešte ďalších päť písmen, pri ktorých je vysvetlenie „euklidovského“ pôvodu určitým spôsobom problematické, ale nie vylúčené. Takto teda dešifruje autor originálny konštrukčný postup Konštantína Filozofa pri takmer jednej tretine znakov hlaholskej abecedy (13 znakov). Tento tvorivý takpovediac konštrukčno-symbolický postup má pri tvorbe jednotlivých písmen svoje modifikácie. Kralčák ich označuje ako „prvý, druhý a tretí Konštantínov postup“. Popri prvom vyššie opísanom jednoduchom postupe je druhý postup založený na usúvzťažnení číselnej hodnoty alebo abecednej pozície hlaholskej litery s abecednou pozíciou gréckej litery. Tretí postup o jeden krok zložitejší ako prvé dva, pretože počíta s prekladom mena grafémy

do gréčtiny a následné usúvzťažnenie prvého písmena gréckeho slova s príslušnou vetou Euklidovej geometrie: ě; „jadъ“ = δίαίτα → č. δ' → veta č.δ' z knihy č.δ', ktorej geometrické riešenie zodpovedá tvaru hlaholskej grafémy ě. Pri objasňovaní pôvodu grafémy f; „fꙋѣѣ“ narážame na problém významovej nejasnosti tohto názvu, podobne ja to pri grafemickom prvku, ktorý tvorí ľavý komponent nosovky jꙋ, avšak Kralčákove poznámky k možnostiam geometrickej konštrukcie sú konkrétne a vyúsťujú do jednotlivých konštrukčných úloh podľa Euklida. Slabšou stránkou výkladu je interpretácia grafém o; „онъ“ a t; „tvrъdo“.

Celkovo však Ľ. Kralčák k pôvodu písmen pristupuje realisticky a jeho výklad nepatrí k tzv. maximalistickým teóriám. Pri znakoch, kde jasne stanovené kritériá porovnania vypovedajú o inšpirácii inými abecedami, vysvetľuje vznik písmen z gréckej minuskuly (8 písmen), hebrejskej (1 písmeno) či samaritánskej abecedy (6 písmen). Niektoré litery podľa neho vznikli tvorivým využitím už existujúcich hlaholských znakov (7 písmen), a to ich grafickým doplnením, alebo mohli byť utvorené ako ligatúry či kombinácie znakov. Pri dvoch literách vidí ich pôvod v samaritánsko-gréckej ligatúre. Zaujímavé je, že kladne zhodnocuje aj názory vysvetľujúce vznik abecedy na základe rôznych symbolov. Urobil tak

v prípade hlaholského *a*, pričom svoje presvedčenie dokladá jasnou vizuálnou konfrontáciou grafémy „azъ“ z Kyjevských listov a vstupnej invocácie v tvare kríža zvanej chrismon z gréckeho rukopisu z 9. storočia.

Pri výklade pôvodu a vzniku grafém inšpirovaných inými grafickými sústavami treba vyzdvihnúť koncepčný postup pri paleografickej analýze písmen, kde sa berú do úvahy nasledovné kritériá:

- miera zhody v počte línií (ťahov) a v ich vzájomnom smerovaní;
- vyšší/nížší počet čiastkových grafických prvkov;
- vplyv týchto prvkov na tvarové jadro grafémy;
- zhodný/odlišný uhol natočenia grafémy;
- zhodná/odlišná vertikálna alebo horizontálna poloha grafémy;
- miera zvukovej podobnosti hlások, ktoré sú porovnávanými grafémami označované.

Autor zdôrazňuje najmä dôležitosť posledného uvedeného kritéria a vo svojej práci dôsledne dokazuje, že Konštantínov postup nespočíval v prostom preberaní akejkoľvek formy, ale že pôvodca hlaholiky v princípe najprv usúvzťažňoval zvukovú podobu hlások a iba v prípade ich zvukovej zhody alebo príbuznosti sa nechal inšpirovať ich grafickou formou.

Dôslednosť, s akou Ľ. Kralčák sleduje túto myšlienku a niektoré ďalšie nosné princípy Konštantínovho prístupu, robí monografiu logicky jasnou a čitateľnou. V názve práce zmienený „Konštantínov kód“ ako myšlienkový postup pri tvorbe prvého slovanského písma je tak nie len pútavou narážkou na Da Vinciho, ale nosnou ideou predkladanej koncepcie.

Tomáš Bánik

MENNÝ REGISTER / INDEX OF NAMES

- Abdulchakova, L. R. 43, 49
 Abicht R. 76
 Afanasiev, A. N. 32
 Ajdačić, D. 34, 37, 39
 Alefirenko, N. F. 68
 Augustín 28
 Auty, R. 76
 Bacevič, F. S. 51, 56, 58
 Bachtin, M. 54
 Baník, A. A. 27
 Bánik, T. 75 – 80
 Bartmiński, J. 37
 Beľajev, D. F. 76
 Belinskij, V. G. 6
 Bezpalko, O. P. 43, 44, 47, 48, 49
 Bielawski, L. 66
 Biriukov, P. I. 6
 Birnbaum, Ch. 37
 Bodanskij, O. M. 30
 Bodický, S. 12, 13, 14, 15, 16
 Bogdanovič, I. F. 15, 16
 Budagov, R. A. 7, 18
 Byčkov, A. F. 32
 Cornise-Pope, M. 73
 Cyril // Konštantín 75, 76, 77, 78, 79, 80
 Čukan, J. 68
 Daniil igumen 43
 Danilenko, V. P. 10, 16, 18
 Doruľa, J. 27
 Ďurišin, D. 73
 Ermen, I. 36
 Ermolenko, S. 54
 Euklides 77, 78, 79
 Fontaine, J. 35, 40
 Fortunatov, F. F. 76
 Frančuk, V. Ju. 33, 34, 40
 Gak, V. G. 9, 19
 Gaster, M. 76
 Geitler, L. 76
 Gerashchenko, O. 41 – 49, 69
 Golovackij, Ja. F. 34
 Golovleva, Je. L.
 Golovliova, O. 51, 58
 Golubkov, L. 57
 Gornfel'd, A. G. 33
 Görözdi, J. 73
 Granstrem, Je. E. 77
 Grigoriev V. P. 10, 11, 19
 Grigorovič, V. I. 30
 Griščenko, A. P. 43, 45, 46, 47, 49
 Gedrum, Ch. 51
 Gulak-Artemovskij, P. 30
 Gusev, M. J. 67
 Guzi, Ľ. 69
 Hain, T. 51
 Hnitka, J. 73
 Hrabianka, H. 46, 48, 49, 69
 Hřebíková, A. 15, 18
 Humboldt, W. von 36, 37
 Chalanskij, M. G. 33
 Charciarek, A. 67
 Charciev, V. I. 33
 Chateaubriand, F.-R. de 9
 Chmelnickij, B. 41, 44, 48, 49
 Chrabra 75, 76, 77
 Iermachkova, O. 65 – 70
 Ilčev, P. 76
 Ilievski, P. Ch. 76
 Ivančenko, R. 51, 54
 Ivanov, P. 33
 Ivanov, V. 51
 Ivanova, I. B. 50 – 58
 Ivanova O. 51
 Ivanova, T. A. 76
 Jagič, V. 76
 Jerkenova, F. 51
 Jermen, I. 39
 Jesenský, J. 12, 13, 14, 15

- Kaftandžiev, Ch. 56, 58
Kara-Murza, S. 54
Karamzin, N. M. 16, 17
Karazin, V. N. 30
Karnaušenko, G. 28 – 40
Kautman, F. 73
Kochtev, M. 54
Kolosov, M. A. 33
Konstantín // Cyril 75, 76, 77, 78, 79, 80
Korina, N. B. 69
Korneva, Ju. 51
Kováčová, Z. 68
Kožina, M. N. 54
Kralčák, L. 75, 76, 77, 78, 79, 80
Kravec, T. 51
Kupec, I. 12, 13, 14, 16
Kuznecova, T. Je. 10, 19
Lavrov, P. A. 62, 64
Lavrovskij, N. A. 32
Lavrovskij, P. A. 32, 33
Leskien, A. 76
Lezin, B. A. 33
Liashuk, V. 69
Lichačov, D. S. 27
Lomenčík, J. 69
Lotman, Ju. M. 10, 18, 19, 54
Macko, L. I. 52, 54, 58
Macko, O. M. 52, 54, 58
Majakovskij, V. 56
Masłowska, E. 67
Mašková, O. 6, 11, 13, 16
Měšťan, A. 73
Metlinskij, A. 30
Michalík, B. 68
Miller, V. F. 76
Milton, J. 9, 10
Mojseenko, I. 51
Mokienko, V. M. 36
Nádase, P. 73
Nahtigal, R. 76
Neubauer, J. 73
Neveklovskij, G. 32
Norman, B. Ju. 65, 66
Nowosad-Bakalarczyk, M. 67
Ogilvi, D. 51
Ochočinskij, V. 51
Ondrejovič, S. 5 – 19
Ovsianiko-Kulikovskij, D. N. 33, 35, 36, 40
Papoušek, V. 73
Pavlinska, O. 51
Pavluk, L. S. 58
Pazio-Włazłowska, D. 67
Pierce, Ch. S. 36
Počepcov, G. G. 51, 56, 58
Pogodin, M. P. 8
Pontius Pilatus 60
Popov, A. V. 33
Pospíšil, I. 71, 72, 73
Potebňa, A. A. 29, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39
Prejs, N. I. 30
Primak, T. O. 58
Puškareva, N. 14, 19
Puškin, A. S. 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19
Puškin, L. S. 9
Rozentaľ, D. 51, 54
Roždestvenskij, Ju. V. 33, 34, 40
Rubáš, S. 6, 12, 18
Seliščev, A. M. 76
Sériot, P. 36, 37, 40
Serov, V. V. 10,
Schönenberger M. 37
Sidorenko, O. M. 52, 54, 58
Silvestrov, Ju. 51
Sipko, J. 68
Skogorev, A. 60, 61, 64
Skovorod, G. S. 28, 29, 30, 31, 39
Skvorcov, L. I. 10
Sluchaj, N. 51
Snegiriov, I. M. 30
Sokolová, J. 66
Sorokin, Ju. 51
Speranskij, M. 60, 61, 64
Sreznevskij, I. I. 30, 31, 32, 37
Starich, N. 51
Sternin, J. 54
Stevenson, Ch. 51

-
- Strašňuk, S. Ju. 30
Sumcov, N. F. 33, 37
Svencickaja, I. 60, 61, 64
Szadura, J. 66
Šafárik // Šafařík, P. J. 76
Ščerba, L. V. 7, 19
Ševčenko, T. 56
Širokorad, E. F. 30
Šiškov, A. S. 16
Štrasser, J. 12, 14, 15, 17
Tarasov, E. 51
Taylor, I. 76
Tolstoj, L. N. 6
Tolstoj, N. I. 29, 31, 32, 34, 38, 39, 40
Toporkov, A. L. 29, 34, 38, 40
Török, L. 65
Trubeckoj, N. 76
Tungate, M. 51
Učenova, V. V. 50, 51, 58
Uspenskij, P. 77
Vajs, J. 76
Vakulenko, S. V. 35, 36, 37, 39
Vargová, Z. 65 – 70
Vašíčková, S. V. 59 – 64
Verigin, O. 51
Vetter, D. 73
Vetuchov, A. V. 33
Viazemskij, P. A. 15, 16
Vinci, L. da 80
Vinogradov, V. V. 54
Vinokur, G. O. 5, 7, 10, 18
Voisine-Jechova, H. 73
Volkogon, N. 51
Vondrák, V. 76
Whit, H. 69
Wójcicka, M. 66
Wysoczański, W. 65
Wollman, S. 73
Zelenin, D. K. 33
Zelenka, M. 71 – 74
Zirka, B. 51
Zogata, J. 73
Zubov, I. I. 32, 40
Žeňuch, P. 20 – 27, 64
Žiteckij, P. G. 48, 49
Žuravľov, A. F. 32, 40

AUTORI ČÍSLA

Tomáš Bánik, PhD.
Katedra slovenského jazyka Filozofickej fakulty
Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
tbanik@ukf.sk

doc. Olga Geraschenko, CSc.
Katedra rusistiky Filozofickej fakulty
Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
ogeraschenko@ukf.sk

Mgr. Olga Iermachkova
doktorandka v študijnom odbore 2.1.28 slovanské jazyky a literatúry na UKF v Nitre (SR)
olgaiermachkova@ukf.sk

Irina Borisivna Ivanova, CSc.
Katedra štylistiky ukrajinského jazyka Filologickej fakulty
Národnej pedagogickej univerzity M. P. Dragomanova v Kyjeve (Ukrajina)
vlad-7@ukr.net

doc. Galina Nilovna Karnaušenko, CSc.
Katedra ruského jazyka Filologickej fakulty
Charkovskej národnej univerzity V. N. Karazina v Charkove (Ukrajina)
hal_karnaush@list.ru

prof. PhDr. Slavomír Ondrejovič, DrSc.
Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV v Bratislave (SR)
slavoo@juls.savba.sk

Mgr. Svetlana Viktorovna Vašíčková
Slavistický ústav Jána Stanislava SAV v Bratislave (SR)
svetlana.saserina@savba.sk

Mgr. Zuzana Vargová
doktorandka v študijnom odbore 2.1.28 slovanské jazyky a literatúry na UKF v Nitre (SR)
zuzana.vargova@ukf.sk

prof. PhDr. Miloš Zelenka, DrSc.
Katedra českého jazyka a literatury Pedagogické fakulty
Jihočeské univerzity v Českých Budejovicích (ČR)
zelenka.milos@centrum.cz

prof. PhDr. Peter Žeňuch, DrSc.
Katedra kulturológie Filozofickej fakulty
Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
pzenuch@ukf.sk